

Э. ВЕРНЕР

**НАРОДНАЯ ЕРЕСЬ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ
ЗА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ?
ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В СОЛУНИ В 1342—1349 гг.**

В капитальной работе по истории Солуни XIV в. О. Тафрали использовав рукописные материалы, внимательно исследовал „революцию“ зилотов и дал ей свою оценку¹. В дальнейшем изучением этого восстания занимались главным образом марксистские историки. Они определили его как высшую точку мощного антифеодального движения, охватившего в 1341 г. ту часть Византийского государства, которая еще не была завоевана турками. По мнению М. В. Левченко, успешное завершение этой борьбы спасло бы Византию от гибели². А. К. Бергер считает, что восстание зилотов является подлинным образцом демократической революции эпохи средневековья, совершенной купцами и ремесленниками, и превосходит по размаху аналогичные события в итальянских городах-государствах. Он объясняет это тем, что Византийское государство в XIV в. экономически было более передовым, чем Италия эпохи Trecento³. Однако такая оценка не соответствует действительности, она не вытекает из законов исторического развития феодального общества, как отметил в упомянутой книге А. П. Каждан. В дальнейшем историки-марксисты, стремясь выявить роль народных масс как решающей силы исторического развития в период антифеодальных восстаний первой половины XIV в., рассматривали коммуны зилотов в тесной связи с общим ходом борьбы классов в византийском обществе. Широко привлекая источники, они исследовали отношения между городскими и сельскими „низами“ и городской и феодальной аристократией, подчеркивая экономические интересы классов и социальных групп. Такой подход характерен для Р. Браунинга⁴, Д. Ангелова⁵ и

¹ О. Тафрали. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1912, p. 225 sq.

² М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 245. См. также его рецензию на книгу Г. Острогорского „История византийского государства“ (ВВ, II, 1949, стр. 334).

³ А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии в XIV в. „Архив Маркса и Энгельса“, т. V, 1930, стр. 447—456. См. критические замечания: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 186 сл.

⁴ Р. Браунинг. Комуната на зилотите в Солун (1342—1350). ИП, г. VI, № 4-5, 1950, стр. 509—525.

⁵ Д. Ангелов. Антифеодальни движения в Тракия и Македония през средата на XIV век. ИП, г. VIII, № 4-5, 1951—1952, стр. 439—456; его же. История на Византия, т. II. София, 1952, стр. 79—86.

А. П. Каждана⁶. Благодаря трудам этих историков мы знакомы теперь с экономическими корнями и социальными причинами рассматриваемого движения.

Однако нам еще недостаточно ясны характер руководства, роль идеологии и место восстания во всей истории Европы XIV в. Никто не учел возможности союза с богомилами, у которых, по свидетельству источников, как в самом городе, так и в Македонии было много приверженцев. Об этом вкратце упоминает лишь Д. Ангелов. Он полагает, что зилоты в какой-то мере унаследовали элементы социально-политического учения богомилов, тогда как религиозно-мистическая сторона богомильства была воспринята исихастами⁷. Эта точка зрения заслуживает всяческого внимания; следует, в частности, изучить связь богомильства с исихазмом, что вновь приводит к постановке вопроса о значении религиозной идеологии во время революционных событий. Следует отметить, что недавно И. Шевченко полностью издал „Слово“ Николая Кавасилы, которое прежде было известно только по выдержкам у О. Тафрала⁸. Вопреки всем сомнениям издателя⁹, у нас теперь

⁶ А. П. Каждана. Аграрные отношения. . . , стр. 186—197. К сожалению, я не смог ознакомиться со статьей Б. Т. Горянова „Восстание зилотов в Византии (1342—1343)“ (Изв. АН СССР, сер. ист.-фил. наук, III, 1946) и книгой Г. Кордатоса „Κοινωνία τῆς Θεσσαλονίκης“ (Афины, 1928).

⁷ D. Angelov. Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches. Ursprung, Wesen und Geschichte. II. Geschichte. ГСУ, ист.-фил. фак., т. 46, 1943/50, кн. 2, стр. 42 сл. Авторы советского учебника для вузов („История средних веков“, т. I. М., 1952, стр. 583) отмечают, что религиозная программа зилотов испытала влияние еретических движений, распространенных в то время в Византии, однако не останавливаются на этом подробно и, в частности, не определяют, кем были еретики, оказавшие влияние на зилотов.

⁸ I. Ševčenko. Nicolas Cabasilas' Anti-Zealot Discourse. A Reinterpretation. „Dumbarton Oaks Papers“, vol. 11, 1957, p. 81—171.

⁹ И. Шевченко (op. cit., p. 91—125) стремится доказать, что „Слово“ направлено не против зилотов, а против Алексея Апокавка и патриарха Иоанна Калеки (p. 165—170). Указания источника на то, что городские стены и корабли строились на средства храмов и монастырей, Шевченко относит к восстановительным работам (ремонт стен, разрушенных землетрясением), которые велись в городе в 1344 г. по приказу Апокавка, и к морским предприятим 1342 и 1343 гг. Он приходит к этому выводу, сравнивая „Слово“, которое датируется 1347 г., со второй речью Дмитрия Кидониса к Кантакузину (G. Sammelli. Demetrii Cydonii orationes tres adhuc ineditae. „Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher“, Bd. 4, 1923, p. 77—83.). К тому же, по мнению Шевченко, в „Слове“ ничего нельзя узнать о революционных действиях, имеющих отношение к зилотам. Что касается секуляризации, то ее якобы с целью общественного блага время от времени осуществляли императоры, однако их никто не называл за это революционерами (p. 153—157). Точно так же обстоит дело со ссылками на то, что бедные священники и миряне получали пособие из доходов митрополита (*χαρονικόν*). Аналогичные требования и мероприятия можно найти и у александрийского патриарха VII в. Иоанна, и в новеллах Юстиниана. Все многословные обвинения, выдвигаемые Кавасилой, не выходят из сферы борьбы между прониарами и монастырями, „борьбы, в которой государство, сознавая необходимость обороны страны, активно выступало на стороне военной знати“ (p. 160). Таким образом, утверждает Шевченко, „Слово“ как источник для изучения программы зилотов должно быть отвергнуто. Все выводы, которые делали из него до сих пор (в особенности Тафрала), „не вытекают из истории византийской политической мысли, а скорее являются продуктом византиноведения XX в.“ (p. 171). Собрав аргументы против использования „Слова“ для изучения событий в Солуни, Шевченко пренебрег сопоставлением „Слова“ с другими источниками XIV в. по истории движения зилотов. Только речь Дмитрия Кидониса от 1347 г. подверглась изучению, чтобы обнаружить параллели. С другой стороны, упущен из виду тот факт, что Кавасила родился в богатой солунской семье (p. 85). Семья Кавасилы, конечно, пострадала от реформ зилотов, если вовсе не была изгнана из города. Сам Кавасила очень хорошо знает события и передает их со всеми подробностями, причем постоянно говорит о митрополите и никогда о патриархе. Иакинф, архиепископ Солунский, придерживался антипаламитской ориентации и выступал на стороне зилотов. Упреки и обвинения Кавасилы были направлены против него, а не против патриарха. Неубедительны рассуждения Шевченко и о том, что секуляризация не была революционной мерой. В сочетании с дру-

появился еще один ценный источник, позволяющий по-новому рассматривать программу и деятельность зилотов. Вот почему движение зилотов снова должно стать предметом анализа. Несмотря на то, что у нас уже есть серьезные марксистские труды по данному вопросу, изучение этого „примера классовой борьбы“ и „крупного события в истории средних веков“¹⁰ может дать ценный материал для сравнительной медиевистики как в отношении конкретных исторических фактов, так и для их осмысления.

1. Страна

Иоанн Кантакузин жалуется, что в начале народного восстания 1341 г. из его имений в Восточной Фракии озлобленные крестьяне захватили „1000 голов рабочего скота, 1500 лошадей, 200 верблюдов, 300 мулов, 400 ослів, 50 000 свиней, 70 000 овец и вывезли огромное количество продуктов, которое не поддается никакому измерению“¹¹. Иоанн был только одним из крупных земельных собственников, которые с XIII в. были наиболее типичны для европейской части страны и прежде всего — Македонии. Крупная феодальная собственность, которая в XIV в. стала господствующим типом собственности, росла за счет распада сельской общины. Динаты проникали в общины, присваивали себе крестьянские поля и виноградники, а также права в общине, подчиняя, таким образом, крестьян. Мы должны признать вместе с Кажданом, что закрепощение византийских крестьян на Балканском полуострове проходило более успешно, нежели в Малой Азии¹². Обезземливание крестьян проводилось нередко насильственным путем. При этом не останавливались ни перед чем: подкупали чиновников¹³, фальсифицировали документы, совершали убийства. Так же, как показал Б. Т. Горянов, происходило и увеличение числа париков в больших феодальных поместьях¹⁴. Оно осуществлялось путем захвата мелких владений и раздачи государственных земель и было характерно для поздневизантийского времени. Другим отличительным признаком этого периода был ускоренный переход от натуральной ренты к денежной — явление, которое Д. Ангелов¹⁵ связывает с развитием торговли, ремесла и внутреннего рынка. Каждан подчеркивает, что параллельно с процессом коммутации возникали новые натуральные повинности, как например, оброк хлебом и зерном (*σιτόκριτον, κοιλὸν σιτάριον*), причем тогда

гими мероприятиями зилотов она приобретала революционный характер, ибо партия зилотов проводила ее не в интересах василевса, а в интересах народа. Секуляризация была связана с антиаристократическим, антифеодальным движением 40-х годов XIV в., которое потрясло основы классового господства в Византии. Только исходя из классового анализа, можно дать справедливую оценку коммуны зилотов. Тот факт, что секуляризация проводилась в более ранние периоды в интересах государства, еще ни о чем не говорит. В условиях революционной ситуации шаги, подобные тем, которые предприняли вожди зилотов, могли бы закончиться экспроприацией экспроприаторов. Поэтому „Слово“ — отнюдь не риторическая жалоба со скрытыми намеками на центральное правительство, а выступление против надвигающейся опасности, которую Григора определяет как „охлократию“. Мы еще вернемся в связи с конкретным анализом к интерпретации Шевченко. Но уже сейчас следует сказать, что ему не удалось умялить значения этого источника.

¹⁰ А. А. Васильев. *History of the Byzantine Empire, 324—1453*. Madison, 1952, p. 684.

¹¹ *Johannis Cantacuzeni Historiarum libri 4*. Bonnae, 1828—1832, v. II, p. 185.

¹² А. П. Каждан. *Аграрные отношения...*, стр. 116.

¹³ О взяточничестве чиновников и о продаже должностей см. R. Guiland. *Venalité et favoritisme à Byzance*. „Revue des études byzantines“, vol. 10, 1952, p. 35—46.

¹⁴ Б. Т. Горянов. *Византийское крестьянство при Палеологах*. ВВ, III, 1950, стр. 38.

¹⁵ Д. Ангелов. *Антифеодальное движение...*, стр. 440.

господствовала денежная рента, большую часть которой составлял по дворный налог, величина которого колебалась между $\frac{1}{2}$ и 4 иперпирами¹⁶. Каниский, который крестьяне давали три раза в год в качестве „приношения“ господину, оценивался в $\frac{1}{4}$ иперпира. Барщину обычно отработывали не больше одного дня в неделю¹⁷. Для увеличения доходов динаты прибегали к краткосрочной аренде. Как правило, арендатор должен был отдавать половину урожая вина и третью часть зерна. Он сам должен был доставать семена и сажать виноградные лозы. Если крестьянин закладывал виноградник на невозделанной господской земле, он автоматически становился арендатором и выполнял соответствующие обязанности¹⁸.

При Палеологах особое место среди крупных феодальных имений занимают монастыри. Ж. Руйар прямо говорит об их преобладающей роли¹⁹. Богатейшими среди них были афонские монастыри, которые владели землями на Халкидике, в Македонии, Фракии и на Лемносе. Поземельные описи проливают свет на хозяйственные возможности и размеры владений Хиландарской обители, лавры св. Афанасия и монастыря Зограф²⁰. Яркую картину монастырского хозяйства в Средней и Северной Македонии дал в своем труде Д. Ангелов. Духовная знать, не отставая от светской, захватывала в свои руки крестьянские поля, принадлежавшие отдельным семьям или находившиеся в общественном пользовании. Эти поля становились господскими землями — terra dominicata²¹. Большую роль играла продажа наделов. Как справедливо указывает Горянов, отчуждение крестьянских участков объяснялось тем, что их владельцы оказывались в зависимости от монастырей. Последние разоряли их хозяйство и принуждали бедняков продавать землю за бесценок. Эти продажи и „дарственные записи“ говорят отнюдь не о благочестии крестьян, которому буржуазные историки приписывают решающую роль, — они объясняются исключительно экономическим положением мелких землевладельцев²². В Македонии, где небольшие церкви и монастыри (метохи) имели в городах и селах свои усадьбы, их положение было не лучше, чем у крестьянских общин. Крупные монастыри постепенно поглощали их благодаря „пожертвованиям“ и подчиняли своему господству. Часто в зависимом положении находилось до полутора-двух десятков таких метохов²³. Используя

¹⁶ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 121; Б. Т. Горянов („Византийское крестьянство. . .“, стр. 44) указывает, что в среднем феодальная рента взималась в размере одного иперпира с 5-6 модиев земли. См. также Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. BS, t. IX, 1948, p. 257. О монетном обращении и порче монет см. подробно: D. A. Zakythinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII-e au XV-e siècle. „L'Hellénisme contemporain“, I, 2, 1947, p. 162—192; II, 2, 1948, p. 150—167; T. Bertelè. Il libro dei conti di Giacomo Badoer e il problema dell'iperpero bizantino nella prima metà del Quattrocento. „Convegno di scienze morali, storiche e filologiche“, Tema: Oriente ed Occidente nel Medio Evo. Accad. naz. dei Lincei. „Atti dei Convegni“, vol. 12, Roma, 1957, p. 242—265.

¹⁷ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 115. В ряде случаев крестьяне отработывали только 12 дней в году.

¹⁸ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 128.

¹⁹ G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953, p. 157.

²⁰ См. Г. Острогорский. Писцовые книги. . . , стр. 263 сл.

²¹ Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 63.

²² Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство. . . , стр. 41. Об упорной борьбе монастыря со свободными крестьянами (επιτοχοι) за землю свидетельствуют копии двух простагм Андроника III монастырю Эсфигмен от 1328 г. (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Hl. Berges. München, 1948, S. 114).

²³ Д. Ангелов. Аграрные отношения. . . , стр. 42.

в хозяйстве крепостных и батраков, монастыри сосредоточивали в своих руках большие излишки продуктов, прежде всего хлеба, которые они реализовывали путем продажи. Им были предоставлены привилегии на рынках. Например, в их руках обычно находилось все производство и торговля воском, т. е. все пчеловодство в окрестных деревнях. У Рильского монастыря была привилегия, дававшая ему право свободной торговли по всей Болгарии²⁴. Широко использовалось ростовщичество. Как правило, монастыри были освобождены от государственных налогов²⁵.

Естественно, что при таких условиях высшее духовенство играло решающую политическую роль, и его представители занимали важные государственные посты, извлекая из этого большую выгоду²⁶. Политика императоров в отношении церковных учреждений основывалась на том, что монастыри, как подчеркивает Д. Ангелов, были могущественной опорой государственного порядка, без которой правящие классы не могли обойтись²⁷.

В первой половине XIV в. наблюдается новый рост владений монастырей, чаще всего сочетавшийся с предоставлением иммунитета. А. Каждан видит в этом иммунитете прежде всего средство внеэкономического принуждения и только во вторую очередь изъятие феодальных поместий из ведения центральной власти²⁸. Но несомненно, что по мере подчинения общин и усиления феодальной зависимости знатны все более стремились добиться изъятий и управлять самостоятельно. Поэтому отношения между императором и знатью стали натянутыми. Этот процесс охарактеризован Г. Острогорским, который обобщил и дополнил исследования, появившиеся до него. Мы можем определенно констатировать, что при Палеологах имело место дальнейшее развитие иммунитета. Однако не все феодалы пользовались в этот период полной экзимирированностью, они не были свободны от всех государственных повинностей. Либо они должны были выполнять определенные повинности, либо же они были полновластными хозяевами в части своих вотчин, тогда как в остальных владениях пользовались лишь частичными привилегиями или же были лишены их полностью.

Распространение иммунитета состояло далее в том, что круг его носителей расширялся. Те представители знати, которые еще раньше добились иммунитетных прав, получили новые привилегии или же распространяли действие иммунитета на другие свои владения²⁹. В XIV в. этот процесс принимал массовый характер по мере того, как авторитет центральной власти ослабевал. С этим был связан переход

²⁴ С. Лишев. За стоковото производство във феодална България. София, 1957 стр. 102.

²⁵ И. Сакъзов. Панаири въ средновековна Македония. „Македонски преглед“, ч. III, № 4, 1927, стр. 11.

²⁶ E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. „Mitteilungen zur osmanischen Geschichte“, Bd. II, 1923—1925, S. 6.

²⁷ Д. Ангелов. Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии. ВВ, XI, 1956, стр. 160. Лишь около 1360 г., почувствовав угрозу турецкого нашествия, император был вынужден провести широкую секуляризацию земель, чтобы создать новые провинции. Как правило, он отбирал у монастырей около половины земель и, кроме того, передавал провинциарам часть доходов с оставшихся владений. На последствия этих мероприятий (касающихся прежде всего отношений монастырей с турками) обратил внимание Острогорский (G. Ostrogorski. Pour l'histoire... , p. 173). Нам, однако, нет необходимости заниматься этим вопросом, поскольку он выходит за хронологические рамки избранной нами темы.

²⁸ А. П. Каждан. Аграрные отношения... , стр. 96.

²⁹ Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 78 сл.

проний в наследственное пользование, который имел место в тот же период. Во время гражданской войны 1321—1328 гг. такие явления стали массовыми. Пронии становились частью фамильного наследства, и император уже не мог распоряжаться ими³⁰. Государство начало распадаться на большие и малые феодальные владения, которые только на определенных условиях поддерживали политику центральной власти. Они стремились стать отдельными государственными организациями, и это нашло также выражение в тенденции к наибольшему ограничению размеров административных областей, что способствовало объединению владений в немногих руках и обеспечивало динамам значительное влияние в управлении провинциями. „При слабости центральной власти от этого до полного превращения полномочий наместника в права сеньора не так уже далеко“³¹. Поэтому нет ничего удивительного, что крупные монастыри формировали собственные вооруженные отряды. В Македонии, например, были „церковные воины“, которые набирались из крепостных известной категории. Последние пользовались некоторыми привилегиями: могли не стричь овец и не обрабатывать шерсть, получали от монастыря одежду и оружие. Часто в ряды этих воинов вступали мелкие прониары. В Македонии XIV в. их число было значительным³².

Нет никакого сомнения в том, что развитие феодальных отношений тяжело отражалось на положении крестьян. Состав византийского крестьянства был неоднороден. Самым многочисленным слоем были парики. Они владели наделами-стасями (*στασεις*), включавшими виноградники, пашни, луга, фруктовые сады и источники. В центре усадьбы находился одноэтажный дом, который был покрыт соломой, камышом или черепицей и обнесен оградой. Иногда в состав стаси входила и мельница³³. В зависимости от размеров владений парик держал одну или две пары волов. Иногда в соответствии с этим определялся размер повинностей. Парик был лично свободным человеком, не прикрепленным к своему участку земли. Он мог приобретать чужую собственность и распоряжаться ею по своему усмотрению. Но его связь с господином не ограничивалась повинностями, которые он нес в его пользу, а подкреплялась и личным подчинением³⁴.

Особенно тяжелым было бремя повинностей в Македонии XIV в. Кроме денежного оброка, от крестьян требовали уплаты оброка натурой и выполнения барщины. Сохранение барщины было связано с колоссальным ростом монастырских доменальных владений, что создавало потребность в рабочей силе³⁵.

Другой слой составляли активомы, не имевшие средств производства и рабочего скота и нанимавшиеся батраками: в источниках они

³⁰ G. Ostrogorski. Pour l'histoire..., p. 106, 123 sq., 132.

³¹ E. Stein. Untersuchungen..., S. 20.

³² Д. Ангелов. Крупното манастирско стопанство во Северна и Средна Македонија во XIV век. „Гласник на Институтот за национална историја“. Скопје, 1957, г. I, № 2, стр. 127.

³³ А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 59; G. Ostrogorski. Pour l'histoire..., p. 296; G. Rouillard. La vie rurale..., p. 183 sq.

³⁴ См. MM, IV, p. 2 sq., 13, 138, 167 sq. Важный материал относительно париков дают писцовые книги, которые исследовал Острогорский („Византийские писцовые книги“, BS, t. IX, 1948, p. 203—306; „Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine“. Bruxelles, 1956, p. 60 sq.) и П. Харанис (P. Charanis. On the social structure and economic organization of the Byzantine Empire in the thirteenth century and later. BS, t. X, 1951, p. 134—139). См. подробности о париках у Д. Ангелова („За зависимото население в Македония през XIV в.“. ИП, год. XIII, № 1, 1957, стр. 38—55).

³⁵ Д. Ангелов. За зависимото население..., стр. 55.

часто упоминаются под названием *μίσθοι, δουλευταί* или просто *δοῦλοι*³⁶. Ф. Дзельгер называет их сельскими рабами³⁷, а Б. Т. Горянов подчеркивает, что они полностью принадлежали своим господам и не являлись по отношению к ним юридическими лицами³⁸. В болгарской и сербской частях Македонии им соответствовали отроки, которые преимущественно находились в непосредственной зависимости от монастырских феодалов. Наследственной земли у них не было, и от милости игумена зависело, получают они участок или нет. Прогнать отроков можно было в любое время. Их правовой статус был наследственным³⁹. Рост этого слоя в XIV в. был не случайным, а явился следствием преобладания денежной ренты. Все чаще можно было видеть крестьян, которые, нуждаясь в деньгах, продавали или закладывали свою недвижимую собственность. Безжалостные ростовщики делали, конечно, все для того, чтобы крестьянам не удалось расплатиться с долгами. Потеряв дом и двор, лишенные средств производства, крестьяне должны были наниматься к светским и духовным феодалам и влачить жалкое существование батраков или пастухов⁴⁰. В таком же или сходном положении находились так называемые „свободные“ люди (*ἐλεύθεροι* или *ξένοι*). Это были бедняки, не имевшие ни кола, ни двора и странствовавшие от одного землевладельца к другому в поисках работы и хлеба. Если они поселялись в каком-либо поместье, они не сливались с местными париками и редко налаживали собственное хозяйство; поэтому они часто отправлялись в новые странствия. Многие из этих „свободных“ были прежде париками, которые разорились или бежали по тем или иным причинам от своих динатов. Их „свобода“ заключалась в том, что они не учитывались фиском, так как у них не было никакой собственности⁴¹.

Вторжение турок привело к тому, что в европейскую часть государства хлынули переселенцы из Малой Азии. С 1329 г. постоянным набегам османских орд стали подвергаться Балканы. Когда в 1337 г. пала Никомидия, последний опорный пункт византийцев в Малой Азии, вторгшиеся во Фракию отряды превратили эту богатую страну в пустыню. Житница Византии так пострадала от набега, что, когда в 1342 г. через Дунай перешли татары, они должны были вернуться с пустыми руками. Грабить было нечего!⁴² Бедственное положение беженцев беззастенчиво использовала феодальная аристократия, чтобы эксплуатировать их. Семьи переселенцев были вынуждены соглашаться на самые тяжелые условия, чтобы получить землю. Кроме высокой денежной ренты, которая часто втрое превышала обычную, им приходилось отбивать всевозможные виды барщины. Здесь проявилось стремление феодалов использовать рабочую силу для производства сельскохозяйственных продуктов на рынок и любыми методами добиться увеличения прибавочного продукта⁴³.

³⁶ MM, VI, p. 182; V, p. 295.

³⁷ F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden. BZ, Bd. 39, 1939, S. 61. Разумеется, из этого нельзя делать вывод о возрождении рабства в Византии. Речь идет об особенно тяжелой феодальной эксплуатации, которую мы наблюдаем и на Западе в отношении некоторых категорий крепостных.

³⁸ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство... , стр. 31.

³⁹ Д. Ангелов. За зависимото население... , стр. 63.

⁴⁰ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство... , стр. 29 сл.; Д. Ангелов. Антифеодални движения, стр. 441.

⁴¹ G. Ostrogorski. Quelques problèmes... , p. 36 sq.

⁴² П. Ников. Турското завоевание на България и съдбата на последните Шишмановци. „Българска истор. библиотека“, т. I. София, 1928, стр. 117.

⁴³ G. Ostrogorski. Pour l'histoire... , p. 341 sq.; А. П. Каждан. Аграрные отношения... , стр. 184.

Крестьянин после 30 лет проживания в одном поместье считался прикрепленным к земле и не мог без разрешения феодала покинуть участок (равно как не мог быть согнан с земли)⁴⁴. Из хрисовула 1297 или 1312 г. следует, что нередко свободные крестьяне превращались в париков в результате передачи деревни в пронию чиновнику или воину. Упомянутые в этом документе *ὑποστατικοί* — это свободные крестьяне, однако часть их земли является собственностью монастыря, и в силу этого они, подобно другим обязанным рентой крестьянам, внесены в практик, ибо они, как и остальные парики, должны отбывать повинности⁴⁵. Ф. Дёлгер в этой связи подчеркивает, что *ὑποστατικός* обычно жил вместе с семьей в паричской деревне, хотя большая часть его земли находилась в соседней свободной общине⁴⁶.

Динаты добивались закрепощения обеих категорий крестьян путем ростовщичества или прямого насилия, но дело не дошло до „второго издания крепостного права“, как это имело место в Центральной Европе, ибо в Византии не было соответствующих предпосылок. Сюзюмов прав, когда он говорит, что нам ничего не известно о применении феодалами особых мер по отношению к текучим элементам крестьянства⁴⁷. Лишь отдельные динаты предпринимали попытку прикрепить к земле *ξένοι*. Таким образом, не происходило никаких изменений ни в способе производства, ни в характере хозяйства крупных землевладельцев. Ничто не изменилось также и в положении батраков (*μίσθιοι*). У них были свои дома в деревне и крошечные хозяйства, которые не могли их прокормить. Поэтому они были вынуждены искать дополнительного заработка на полях феодала, в подчинении у которого они находились, как всякий зависимый крестьянин⁴⁸. Мистии были наиболее обездоленными людьми того времени⁴⁹; их эксплуатировали чисто феодальными способами, и они не оказали никакого влияния на изменение способа производства.

Реализация сельскохозяйственных продуктов влекла за собой расслоение в самой деревне. Каждый приводит следующие данные. Основная масса крестьян принадлежала к среднему слою: 64,8% владели 1—2 волами; 54,5% крестьянских дворов могли быть отнесены к середнякам и по их обеспеченности землей. 33% составляли немущие крестьяне. Зажиточных хозяйств было мало. Тот же автор указывает некоторые случаи, когда элевтеры становились зажиточными крестьянами и платили 10 иперпиров ренты⁵⁰.

Сельское хозяйство по-прежнему носило натуральный характер, что объясняется низким уровнем развития техники, обеспечивавшим лишь воспроизводство крестьянского хозяйства в традиционных, исторически сложившихся формах. Развитие производительных сил было сковано феодальными способами эксплуатации, и это порождало противоречие, которое требовало своего разрешения. Кроме того, низкий уровень сельскохозяйственной техники усиливал зависимость крестьянского

⁴⁴ F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon*. Abh. der Bayr. Akad. der Wiss., phil.-hist. Kl., NF, H. 28, 1949, S. 19.

⁴⁵ F. Dölger. *Aus den Schatzkammern...*, S. 57.

⁴⁶ F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika...*, S. 21.

⁴⁷ М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии. „УЗ Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького“, т. 25, 1958, стр. 171.

⁴⁸ Там же, стр. 168.

⁴⁹ Там же, стр. 172.

⁵⁰ А. П. Каждан. *Аграрные отношения...*, стр. 136, 174. О дифференциации крестьянства см. также G. Rouillard. *La vie rurale...*, p. 167—171; N. Svoronos. *Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation*. „Annales“, vol. 11, 1956, p. 325—335.

хозяйства от климатических условий, которые даже больше, нежели качество поля, влияли на урожай. Если случались стихийные бедствия — заморозки или засуха, то сразу же от голода начинали страдать целые области и немало крестьян вынуждено было продавать свои усадьбы. Это свидетельствует о том, насколько слабым еще было господство над природой, сколь неразвиты были производительные силы, которые „выражают активное отношение человека к природе, меру его власти над ней и определяют одновременно форму и характер общественных отношений людей“⁵¹. Мог ли город дать убежище парикам, спасавшимся от турок, измученным отрокам или странствующим элевтерам? Удавалось ли им в городе застраховать себя от посягательств феодалов и превращения в пастухов или батраков? Ответ на этот вопрос поможет нам вместе с тем выяснить и социально-экономические предпосылки восстания зилотов.

2. Город

В отличие от Западной Европы, в Византии до VII в. нельзя обнаружить замирения городской жизни. Однако и здесь город пережил серьезные внутренние изменения, связанные, в частности, с проникновением в глубь страны германцев, авар, славян и арабов. Распад латифундиальной собственности и упадок всей рабовладельческой системы хозяйства вели к образованию свободного крестьянства и формированию системы поземельных отношений, которая, по словам М. Я. Сюзюмова, напоминала меровингскую. Из этого следует, что и в Византийской империи исчезла античная урбанизация. В период „темных веков“ отчетливо конституируется военный характер городских поселений: они превращаются в *кэстра* — крепости. При этом, однако, крупные порты и города, как Константинополь и Солунь, сохранили свое торговое значение. Здесь собирались доходы от торговли и ремесла, которые давали императорскому правительству средства для оплаты чиновничьего аппарата, армии и флота. Эти города были существенным элементом — наряду с сельскими общинами — в социально-экономической жизни Византии. В этом и состояло отличие от Запада, где заново создаваемые города лишь постепенно стали принимать участие в образовании централизованного государства (или даже совсем в этом не участвовали, как, например, в Германии). В Византии с самого начала города были подчинены непосредственно императору, который назначал в каждый город чиновника, облеченного полномочиями наместника. В крупных полисах эти наместники обычно происходили из императорской фамилии или состояли с нею в родстве. Они направляли политический курс города и проводили в жизнь императорские распоряжения и законы⁵². Некоторые города пользовались государственным привилегиями, которые предоставляли им внутреннее самоуправление, например Солунь и Янина. Кирстен подчеркивал, что Солунь своими размерами и численностью населения намного превос-

⁵¹ Б. А. Чагин, А. Г. Харчев. О категориях „производительные силы“ и „производственные отношения“. „Вопросы философии“, 1958, № 2, стр. 37.

⁵² А. П. Каждан. Византийские города в VII—IX вв. СА, т. 21, 1954, стр. 164—188. *Обзор истории византийского города с точки зрения географо-топографической* был дан Э. Кирстеном (E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. „Berichte zum XI. Internationalen Byzantinischen-Kongress“, Bd. V, № 3. München, 1958). Оживленная дискуссия показала, что подобная односторонняя постановка вопроса мало способствует решению проблемы. В обсуждении приняли участие советские исследователи Э. В. Удадьцова и Н. В. Пигулевская, обратившие особое внимание на социальную структуру византийского полиса.

ходила остальные города (кроме Константинополя); он даже предполагает, что здесь могли возникнуть особые формы городского устройства⁵³.

Управление находилось в руках аристократов, и практически привилегии жаловались им. В XIII в., после краха государства в 1204 г., на передний план в городе выдвигаются динаты, которые стараются добиться самоуправления. Следовательно, это было движение, исходящее не от бюргерства, а от динатов и не носящее антифеодалного характера, как это имело место в Западной Европе⁵⁴. И это не было случайностью: главную роль играло не домениальное хозяйство феодалов (как в некоторых странах Запада), а хозяйство крестьян. Аристократы жили не в вотчинах, а в городе и управление имением поручали доверенным лицам⁵⁵. В городе у них были дома, земельные участки и мастерские. Следовательно, городской патрициат и земельная аристократия не так уж резко отличались друг от друга⁵⁶. К патрициату относились самые богатые купцы, ростовщики и высшее духовенство⁵⁷. Монастыри и аристократы имели в городе лавки и мастерские, которыми они владели через зависимых от них людей. Знать пользовалась привилегиями и ожесточенно конкурировала с мелкими торговцами и ремесленниками⁵⁸. В городах у нее были свои рыночные площади, где ей были предоставлены всевозможные преимущества. Монастыри домогались монополии торговли в определенной части города, другими словами, они хотели распространить на город те привилегии, которыми они пользовались в деревне⁵⁹. Таким образом, освобождение византийских городов должно было привести к дальнейшему раздроблению и уничтожению экономического единства (так же, как раздробление административных областей, развитие иммунитета и установление наследственности проний).

Вместе с тем, как отметил Горянов, феодалы, „держа в своих руках весь государственный аппарат, из-за своих узкоклассовых эгоистических целей покровительствовали иностранным, особенно итальянским, купцам и предпринимателям. А итальянские торговые колонии не только не способствовали росту новых производственных отношений, но тормозили их развитие, консервировали феодальные производственные отношения“⁶⁰. Засилье итальянских (венецианских и генуэзских) купцов в Византии начинается с XII в., а после 1204 г. становится особенно заметным. Если в течение XIII в. львиную долю прибылей от торгового посредничества получала Генуя, то с начала XIV в. между Генуей и Венецией установилось своего рода равновесие сил. Обе республики имели право беспощинной торговли в пределах Византийского государства, в то время как другие (также пользовавшиеся привилегиями) города-республики должны были платить 2⁰/₁₀₀ за ввоз и вывоз. Венеции принадлежали южные острова Архипелага и ряд важных портов на материке, а Генуя — северная часть Эгейских

⁵³ E. Kirsten. Op. cit., S. 38 f.

⁵⁴ Cp. E. Francès. La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles. BS, vol. 16, 1955, p. 83.

⁵⁵ N. Svoronos. Op. cit., p. 331. sq.

⁵⁶ E. Francès. Op. cit., p. 86.

⁵⁷ Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XIV вв. ВВ, XIII, 1958, стр. 175.

⁵⁸ Интересные данные о монастыре Зограф сообщает С. Лишев („За стокового производство във феодална България“, стр. 93 сл.). Монастырь владел в Серрах 18, в Никополе — 15, в Софии — 20 и в Солуни 30 лавками. Работавшие там крепостные подчинялись только игумену и не подлежали ведению городского магистрата.

⁵⁹ Какие последствия могла бы иметь такая торговая политика в случае успеха, показал на примере Болгарии С. Лишев („За стокового производство...“, стр. 109).

⁶⁰ Б. Т. Горянов. Византийский город... стр. 171 сл.

островов, где в 1346 г. она вернула остров Хиос (потерянный в 1336 г.)⁶¹.

Хорошо налаженной торговой организации итальянцев византийские купцы ничего противопоставить не могли. До нас не дошло известий о каких-либо объединениях византийских купцов в XIV в. Финансовые операции находились полностью в руках итальянцев, оттеснявших византийских торговцев⁶², которым оставалось только подбирать крохи барышей от торговли с другими странами. Аналогичная картина наблюдалась и во внутренней торговле. Если самые богатые купцы и ростовщики могли еще (благодаря своей близости к господствующему классу) занимать привилегированное положение, то этого нельзя сказать о втором социальном слое поздневизантийских городов — бюргерстве (*μέσοι*), к которому принадлежали мелкие торговцы, зажиточные мастера, средние и мелкие землевладельцы, духовенство и т. д. Отдельным представителям этой группы удавалось иногда сколачивать богатые состояния, которые они стремились умножить, отдавая деньги в рост и принимая вещи под заклад. Приблизившись по своему экономическому положению к слою богачей, они хотели приобрести также и социальное полноправие. Большая часть *μέσοι*, прежде всего ремесленники, мелкие лавочники и низшее духовенство, страдала от засилья патрициата, городских динатов, которые конкурировали с представителями бюргерства во всех отраслях хозяйственной жизни и всеми способами мешали их процветанию⁶³. Это делало бюргерство потенциальным союзником городской бедноты (*πένητες* или *πτωχοί*), которая в численном отношении была самой значительной группой населения, отчего современные писатели называют ее иногда просто *οἱ πολλοί*⁶⁴. У бедняков не было никакой или почти никакой собственности, и патриции, как и *μέσοι*, их беспощадно эксплуатировали. Бедняки не допускались ни к каким общественным должностям. Кроме наемных работников всякого рода, к ним относились мелкие земледельцы, которые жили в городе и возделывали свои поля в его окрестностях, а также ремесленники и матросы. Городские *πένητες* не представляли собой определенного социального строя, а рекрутировались из люмпен-пролетариев и ремесленников, которые время от времени становились наемными работниками, а затем возвращались к прежним занятиям или не занимались ничем. Подобно ремесленникам, наемные работники должны были отдавать часть своего прибавочного продукта светским или духовным динатам⁶⁵.

Безотрадное внешнеполитическое положение, связанное с внутренним распадом, заставляло многих элевтеров и крепостных слуг (*μίσθιοι* = отроки) уходить из деревни в город. Но и здесь их положение не улучшалось. Жестокая эксплуатация, царившая в деревне, не исчезала, она следовала за ними, как тень. Изменялась только ее форма. Вместо управляющего именем или сборщика податей на крестьян наступал и гнал их на работу голод. Многие пришельцы спорили друг с другом из-за работы и должны были соглашаться на самый тяжелый труд за пару медных монет или даже за кусок хлеба. Пользуясь избытком рабочей силы, динаты, патриции, предприниматели, богатые

⁶¹ A. Doren. *Italienische Wirtschaftsgeschichte*, Bd. I. Jena, 1934, S. 320.

⁶² R. S. Lopez. *The Trade of Medieval Europe: the South*. „The Cambridge Economic History of Europe“, vol. II, 1952, p. 257—354; E. Kirsten. *Op. cit.*, S. 40 f.

⁶³ O. Tafrali. *Op. cit.*, p. 27—30; Д. Ангелов. *История на Византия*, ч. II, стр. 54.

⁶⁴ Thomas Magistros (PG, t. 145, col. 501).

⁶⁵ М. Я. Сюзюмов. *О наемном труде...*, стр. 159, 163 сл.

купцы и мастера нанимали грузчиков, портовых рабочих, учеников и подмастерьев за самую низкую плату⁶⁶. Другие были не в состоянии найти себе работу даже на таких нищенских условиях и возвращались обратно в феодальные вотчины, чтобы владеть жалкое существование в деревне. Очень часто начинался новый круговорот, особенно если учесть, что земельная аристократия стремилась прикрепить своих крестьян к земле, что влекло за собой также и полное закабаление⁶⁷. В стране усилились бродяжничество, нищенство и разбой, и когда 26 октября 1341 г. великий domestik Иоанн Кантакузин был провозглашен в Димотике императором и началась новая гражданская война, поставившая под угрозу последние остатки экономического благополучия страны, настал такой момент, когда „эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения“⁶⁸. Все население государства „в каждом городе и селе“, как пишет Никифор Григора⁶⁹, „разделилось на две части: на одной стороне были умные (σοφόν), а на другой — неумные (ἄσοφον), т. е. одни — люди богатые и знатные, а другие — неимущие, одни — люди благородного воспитания, другие — совсем необразованные. Одну сторону держали рассудительные и порядочные элементы (τὸ ἔμψρον καὶ τεταγμένον), а другую — безрассудные, заговорщики (στασιῶδες) и кровопийцы (αἰμοχαρές)“. Аристократ Григора не мог со своей классовой точки зрения рассуждать иначе и в народном восстании должен был видеть только στάσις и ἄσοφον, так как восставшие угрожали общественному порядку, которому он был обязан всем. Несмотря на это, его оценка событий 1341 г. для нас имеет очень важное значение, ибо она свидетельствует о размахе антифеодального движения и о страхе господствующего класса перед народным гневом. На этот раз шла речь не о локальной, ограниченной вспышке, акте отчаяния отдельных крестьян или общин, а о стихийном восстании масс, в котором принял участие и город. По словам Левченко, для Византии это было последнее шансом спастись от турецкой опасности⁷⁰. Своего апогея восстание достигло в Солуни. Здесь переплетение противоречий привело к такому кризису, который хотя и разразился стихийно, но выявил при этом новые силы, перешедшие от чистого отрицания старого порядка к созданию новых, демократических форм; здесь возникли конструктивные элементы, осуществившие идею прогресса в истинном значении этого слова, и родилась организованная партия зилотов.

3. Этапы господства зилотов

Феодальные элементы в городе были чрезвычайно сильны. Динаты составляли около 1% стотысячного населения, а именно 1100 человек, в то время как в большинстве других византийских городов число „сильных“ было значительно меньше⁷¹. В XIV в. они стали настоящим

⁶⁶ Ср. Д. Ангелов. Антифеодальное движение... стр. 441.

⁶⁷ Сюзюмов прямо говорит о бегстве в города в поздневизантийский период (М. Я. Сюзюмов. О наемном труде... стр. 170). Впрочем, следует учитывать и политическое положение: крестьяне спасались в городе от турецких нашествий.

⁶⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 65.

⁶⁹ Nicephori Gregorae. Byzantina hist., XII, p. 613: „Καὶ ἦν ἰδεῖν εἰς δύο μοῖρας σχισθὲν κατὰ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν“.

⁷⁰ См. ВВ, II, 1949, стр. 334; ср. Э. В. Удальцова. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, VII, 1953, стр. 100.

⁷¹ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV в. Черты феодализма в византийско-сербском строе. BS, t. IV, 1932, стр. 159—171; Д. Ангелов. Антифеодальное движение... стр. 439 сл.; Р. Браунинг (ук. соч., стр. 515), полагающий, что в городе насчитывалось всего 60 семей динатов, вокруг которых группировались сторонники из других общественных слоев и прихлебатели всякого рода, не принимает

бичом для неаристократических слоев, ибо последние в результате гражданской войны и сербского наступления энергичнее прежнего стремились заниматься торговлей и ремеслом, поскольку земледелие и скотоводство на плодородных землях в окрестностях города больше не приносили им постоянного дохода⁷². Главной отраслью производства становится ковровое ремесло, которое с давних пор было освоено горожанами и для многих из них служило источником существования⁷³. Понятно, что каждая задержка или затруднение в сбыте имели немаловажные последствия. Так же обстояло дело и с судоходством, для которого было важно наличие свободного доступа в порты империи. В этой отрасли хозяйства было занято очень много людей, которые объединялись в корпорацию, регулировавшую вопросы заработной платы и улаживавшую конфликты между матросами, купцами, судовладельцами и капитанами. Во главе их, как правило, был представитель знати, который, однако, не мог оставлять без внимания требования хорошо организованных моряков⁷⁴. С начала XIV в. динаты все более вмешиваются в хозяйственную жизнь города и тем самым задевают интересы других слоев. Когда Иоанн Кантакузин выступил претендентом на престол и феодальная аристократия встала на его сторону, народному терпению пришел конец. Предприниматели, купцы, матросы и ремесленники увидели, что назревает новое большое столкновение, которое может парализовать производство и лишить их главного источника доходов. Аристократы сознавали опасность и поэтому сразу же начали переговоры с новым императором. Но так как Иоанн был не в состоянии немедленно прийти на помощь, то в городе взяла верх партия зилотов, которая в то время уже существовала и была очень сильной. Эта народная партия возглавлялась Михаилом Палеологом и состояла из всех оппозиционных групп населения, отнюдь не будучи организацией исключительно одних *πένητες*, которые на первом этапе восстания служили скорее ударной силой, но не играли руководящей роли⁷⁵. Это нашло свое выражение в событиях лета 1342 г., когда протостратор Синадин был изгнан зилотами из города вместе с 1000 динатов. Иоанн Кантакузин выражается четко: „Поскольку нерешительность Синадина придала зилотам силы, они стали подстрекать народ против динатов“⁷⁶. „Убогие“ грабили в течение трех дней и ночей дома динатов, в то время как зилоты старались смягчить и успокоить их, чтобы, как пишет Кантакузин, поделить добычу⁷⁷. Это важное указание на то, что зилоты, захватив власть, не собирались отдавать ее беднякам, а уступали богатым купцам и ремесленной верхушке, которые в таком крупном центре, как Солунь, представляли значительную силу⁷⁸. Зилоты боялись, что вспышка перерастет в выступление против всех богачей, они опасались того, о чем их политический противник Кантакузин писал, рассказывая о движении во фракийских и македонских городах: „Не задумываясь, нападали восставшие на каждого, у кого были деньги, отнятые у бедняков, и на тех, кто не хотел участвовать в позорных делах наравне с другими. Народ был озлоблен

в расчет известия о числе убитых в 1345 г. Эти данные учитывают лишь аристократов и членов их семей, но не их сторонников, которые в ту пору отпали из страха перед террором.

⁷² O. Tafrali. Op. cit., p. 97.

⁷³ Б. Т. Горянов. Византийский город. . . , стр. 171.

⁷⁴ O. Tafrali. Op. cit., p. 34.

⁷⁵ Об имени зилотов и первоначальных целях см. у Фомы Магистра (PG, t. 114, col. 548, 517, 544).

⁷⁶ Cantac., III, p. 233. Ср. Niceph., p. 633 sq.

⁷⁷ Cantac., III, p. 235.

⁷⁸ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 187.

против аристократов, которые грабили и угнетали его еще в мирные времена⁷⁹. Этот страх перед экспроприацией удержал также μέσοι в 1342 г. от открытого присоединения к зилотам, хотя они им и сочувствовали⁸⁰. Возможно, что они стали осторожно вести себя после того, как стало известно, что в Адрианополе было убито несколько „средних граждан“ или за то, что они не примкнули к восставшим (τοῖς στασιάζουσιν), или просто в силу недоброжелательности⁸¹. Колебания между „верхами“ и „низами“ были обычными для этого слоя и, как это уже было показано, соответствовали его экономическому положению. Оттеснение левых элементов и программные мероприятия на первом этапе привлекали их на сторону зилотов. Насколько мы знаем, зилоты сохранили прежние учреждения, но изменили их содержание. Они делили власть с наместником Иоанном Апокавком, назначенным Константинополем. Вожди зилотов происходили из рода Палеологов, которые с самого начала признавали законным императора Иоанна V⁸². Чиновники городского управления полностью находились под их контролем, тогда как лица, назначенные Апокавком на должности сборщиков налогов, управляющего государственным имуществом и т. д., находились под его влиянием только частично⁸³. Как и прежде, πένητες были отстранены от отправления должностей.

В народном собрании у зилотов был решающий голос, и это ставило их выше совета. С X в. эти городские собрания не имели ничего общего с народным представительством в подлинном значении этого слова, а были чисто феодальным органом, выражавшим интересы аристократов. В XIII в. в них уже принимали участие не все горожане без различия их социального статуса, но наряду с динатами и их famuli чиновники и городская дружина. Политический и финансовый кризис в XIV в. вынудил императора использовать ἐκκλησία τοῦ δήμου для одобрения законов о налогах и чрезвычайных сборах⁸⁴. Иоанн Кантакузин пишет об участии купцов, ремесленников и народа — вместе с воинами и клиром — в совещании, собранном по приказу вдовствующей императрицы после смерти Андроника III. Однако нельзя переоценивать роль этих собраний и видеть в них подлинно демократический орган, так как императоры использовали их лишь для аккламаций при объявлении налогов и рассматривали как политическую силу только знать⁸⁵. Лишь зилоты превратили эти сходки в подлинно народные собрания, где должны были участвовать и проявлять активность все горожане⁸⁶. Для принятия решения требовалось его обсуждение горожанами и их согласие. Таким образом, низы снова начинают участвовать в политической жизни, и на первое место выдвигаются μέσοι. Этим такое собрание отличалось от южнофранцузского парламента XIII в., который, будучи законным объединением нижних и средних слоев, выполнял только пассивные функции и ограничивался выслушиванием решений коммунальных советов⁸⁷. Оно было более всего сходным с избиратель-

⁷⁹ Cantac., II, p. 177.

⁸⁰ Ibid., III, p. 235.

⁸¹ Ibid., II, p. 177.

⁸² G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1952, S. 410.

⁸³ Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 521; O. Tafrali. Op. cit., p. 76.

⁸⁴ Так было, например, в 1341 г. в Константинополе (Cantac., III, p. 34). Об эволюции народного собрания см. E. Francès. La féodalité et les villes byzantines, p. 87 sq., 93 sq.

⁸⁵ Б. Т. Горянов. Византийский город..., стр. 178.

⁸⁶ Cantac., I, p. 117. См. Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 517.

⁸⁷ E. Engelmann. Zur städtischen Volksbewegung in Südfrankreich. Berlin, 1959, S. 119.

ным собранием в Генуе, члены которого добились в 1339 г., что *abate del popolo* (должность, учрежденная в 1270 г.) стал подлинным народным представителем, т. е. выбирался непосредственно из мелких ремесленников⁸⁸. Источники не сообщают ничего определенного о роли, которую играли *πένητες*, городская беднота в солунской *ἐκκλησία*. По-видимому, они оказывали ничтожное влияние на ход событий вплоть до осады Солуни турками в 1343 г. и являлись только резервом на случай необходимости. Когда же осенью 1343 г. Кантакузин вместе со своими турецкими союзниками обложил город и окрестности были опустошены, радикальные элементы заняли ведущее положение. При этом был раскрыт заговор против зилотов. В нем оказались замешанными один аристократ из рода Палеологов и „средний горожанин“ по имени Гавала. Оба заплатились жизнью за измену. Другие участники заговора из числа *μέσοι* должны были тайно оставить город⁸⁹. Все это весьма характерно. При первых же трудностях средние слои стали искать компромисса с противником и были уже готовы капитулировать, тем более что как раз в это время городские низы получили существенную поддержку от сельской бедноты, которую турки вынудили искать спасения в Солуни. Григора описывает эти события так: „Население Солуни заперлось со своими стадами (*μετὰ τῶν ποιμνίων καὶ βουκολίων*) в городе. Оно страдало от недостатка продовольствия, для скота не было корма (*τοῖς ἀλλόγοις ζῴοις χιλὸς οὐκ ἦν*), животные каждый день погибали одно за другим, и воздух был отравлен ужасным смрадом. Тогда среди горожан распространилось недовольство, и они стали готовиться к открытому восстанию (*ὕψ' ἃ ἀχθόμενοις συνέβαινε στασιάζειν λαμπρῶς τοῖς πολίταις*). Владельцы полей были озлоблены их разорением. Те, кто владел стадами скота, упряжками быков или вьючными животными, были подавлены бедствием, потому что их владения были опустошены, и все надежды, которые они на них возлагали, оказывались напрасными“⁹⁰. Для динатов, еще оставшихся в городе, для разбогатевших „средних граждан“, как и для зажиточных купцов и ремесленников, такая ситуация была угрожающей. „Убогие“ и обедневшее население требовали справедливого раздела имущества. „Они жаждали новых смут и волнений (*νεωτέρων... ταραχῶν καὶ θορύβων*), не сводя жадных глаз (*ἢ βασχανία τῶν ὀφθαλμῶν*) с богачей и страстно желая утолить свою ярость“⁹¹.

Следовательно, изменение в соотношении сил произошло уже в 1343 г., и это подготовило начало нового этапа господства зилотов с 1345 г. Под руководством хорошо организованных матросов городская и сельская беднота объединилась, и ее ярость вылилась в сознательное политическое движение, ближайшую и главную цель которого определил Михаил Палеолог: защита города, отказ от какой бы то ни было капитуляции. Григора выразительно подчеркивает, что в 1343 г. „сброд (*συνφετώδης*) образовал третью группу (*τρίτη μοῖρα*). Подобные люди не могли сдерживать своей ярости и соблюдать старые священные законы“⁹². Беднота, плебеи, скорбит летописец, были теми, кто воспрепятствовал капитуляции города, задуманной богачами. Вместо этого они грабили дома богачей и зверски убивали их владельцев, если те защищались⁹³.

⁸⁸ F. Donaver. *La storia della Repubblica di Genova*, t. I. Genova, 1913, p. 237.

⁸⁹ Cantac., III, p. 393 sq.: „Γαβαλῶν... ἐκ τῶν μέσων πολιτῶν... ἐτέρων δὲ οὐκ ὀλίγων τοιοῦτων“.

⁹⁰ Niceph., XIII, p. 673.

⁹¹ Ibid., p. 673 sq.

⁹² Ibid., p. 674.

⁹³ Ibid., p. 674 sq.

Лучшего выражения классовой позиции Григоры трудно и желать. Хотя он был политическим и религиозным противником Кантакузина, он жалел, что динамам и их креатуре не удалось сдать Иоанну важнейший торговый и ремесленный центр страны. В тот момент, когда представители господствующего класса видят нападки на его устои, они отказываются от внутренних разногласий и выступают единым строем против угнетенных.

В 1343 г. все атаки внутренней и внешней реакции разбились о непреклонную волю πένητες к сопротивлению. Πένητες действовали под руководством ядра партии зилотов и настаивали на последовательных действиях. В это время зилоты уже не могли ограничиваться конфискацией имущества богатых. Теперь необходимость требовала изъятия церковных доходов, установления прямых налогов и принятия соответствующих распоряжений относительно монахов⁹⁴. Зилоты хотели укрепить этим оборону города и обеспечить городскую бедноту и беженцев. Когда, наконец, Кантакузин ушел, ничего не добившись, и беженцы смогли вернуться в свои разрушенные жилища, зилоты постарались сохранить союз с сельским населением. Из конфискованных денег они выделили определенную сумму, чтобы дать возможность крестьянам отстроить заново дома и обрабатывать участки⁹⁵. Мало того, они освободили крестьян от ярма монастырей и объявили их свободными⁹⁶. Это углубило пропасть между зилотами и церковью и привело к новому обострению всех противоречий в городе, которое поощрило враждебные силы на новое выступление. Удобный момент наступил, казалось, в 1345 г., когда в Константинополе был убит мегадука Алексей Апокавк и Иоанн Кантакузин полностью овладел Фракией⁹⁷. Сын убитого — великий примикирий Иоанн Апокавк — собрал вокруг себя в Солуни недовольных, заманил вождя зилотов Михаила в засаду и приказал его заколоть. Свита Палеолога, которая явилась вместе с ним на инсценированное совещание, обратилась в бегство и скрылась⁹⁸. Реакция тотчас вступила в переговоры с сыном Кантакузина Мануилом и поставила следующие условия капитуляции: 1) предоставление иммунитета городу; 2) оставление власти в руках Иоанна Апокавка, его аристократической клики и военного коменданта, которому назначается определенное денежное содержание⁹⁹. Эти требования Мануил принял, не колеблясь, „рассчитывая передать отцу и василевсу столь значительный город“, и, щедро одарив послов, отослал их. Его союзник Димитрий Кидонис красноречиво выражает в своем письме, написанном в Веррии, радость, охватившую двор императора¹⁰⁰. Как же отнесся к происшедшему перевороту демос и как он воспринял падение власти зилотов?

Если верить Кантакузину, он остался равнодушным. Никто не возмущался происшедшим, так как Михаил и его последователи действовали надменно и пренебрегали священными предметами¹⁰¹. „Средний

⁹⁴ Nicolas Cabasilas. Λόγος περί τῶν παρανόμως τοῖς ἀρχούσι ἐπὶ τοῖς ἱεροῖς τολμωμένων (J. Ševčenko. Op. cit., p. 92, 3—4).

⁹⁵ „Ἦ οὐδὲ οἰκέτην ἔξεσται παρὰ τῶν ἱερῶν τούτων τραφῆναι καὶ γεωργὸν καὶ ἀρτοποιὸν καὶ οἰκοδόμον, εἰ δὲ τούτους, τί μὴ μᾶλλον ἐχέινοους (ibid., p. 93, 6. 30—32).

⁹⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . , стр. 190.

⁹⁷ Об общем положении в государстве см. G. Ostrogorsky. Geschichte. . . , S. 412.

⁹⁸ Cantac., III, p. 570.

⁹⁹ Cantac., III, p. 574 sq.

¹⁰⁰ R. J. Loenertz. Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène. ВЗ, Bd. 44, 1951, S. 405 sq. Изданные Р. Лэнерцем письма того же автора (Démétrius Cydonès. Correspondance. „Studi e Testi“, t. 186, 1956) были мне недоступны.

¹⁰¹ Cantac., III, p. 570 sq.

класс“ не мог, конечно, поддержать партию, затронувшую его интересы и опиравшуюся на элементы, которые посягнули на самое святое для „средних“ — частную собственность. Аналогично обстояло дело с богатыми торговцами и ремесленниками, которые в 1342 г. пришли к власти. Постепенно они стали замечать, что связаны с силами, которые выходят из повиновения, и что они вынуждены принимать меры, мало отвечающие их интересам. К тому же после смерти мегадюки в Константинополе и полного подчинения Кантакузину Фракии им приходилось искать *modus vivendi* с победителем, чтобы не потерять привилегированного положения. Такие соображения были, разумеется, чужды городской бедноте и матросам. Они скорее были поражены неожиданностью переворота, произведенного великим примикирием. Р. Браунинг обратил внимание еще на одно обстоятельство. В 1345 г. Солуни не угрожал никакой внешней враг. Крестьяне находились в своих селах и хуторах и поэтому не были в состоянии прийти, как два года назад, на помощь городским *πένητες*. А те, будучи неорганизованными, чтобы начать действовать, нуждались как в поддержке деревенских масс, так и в руководстве такого дисциплинированного отряда, как матросы¹⁰². При подобных мирных передышках революционное настроение масс быстро остывало и сменялось утомлением, которое приводило к апатии¹⁰³. Поэтому не случайно контрудар был нанесен из квартала, где жили моряки. Их вождем стал Андрей Палеолог, которого реакция не преследовала потому, что он ранее держался в тени. Он отправился в портовый квартал, чтобы организовать выступление против сдачи города. В то же время он обратился к бежавшим зилотам и демосу, которые к нему тотчас присоединились. На сторону Андрея перешел патриций Георгий Кокала, который долго обманывал обещаниями противников, пока не стало уже поздно организовать сопротивление¹⁰⁴. Иоанн Апокавк не сразу осознал, как велика опасность, и не привел в боевую готовность сильный гарнизон, насчитывавший 800 человек, — он ограничился переговорами. Солдаты в конце концов вышли из повиновения, заявили о своей солидарности с зилотами и отступили в городскую крепость. За ними последовали Иоанн и аристократы, полагая, что гарнизон по меньшей мере будет оборонять цитадель. Но они жестоко обманулись. Солдаты воспрепятствовали их бегству, а это было их единственным средством спасения. Когда возмущенные народные массы потребовали их выдачи и наказания, гарнизон согласился. Солдаты сбросили аристократов одного за другим со стен замка, и заговорщики были изрублены на куски зилотами¹⁰⁵. На земле остались лежать более ста обезображенных трупов динатов. Многочисленные группы зилотов не выпускали оружия из рук. *Πένητες* торжествовали. Их победа была на этот раз гораздо значительней, чем в 1343 г. „Рабы больше не признавали своих хозяев, и тот, кто прежде бранил господина, теперь требовал его наказания. Рабы и убогие (*δοῦλοι καὶ πένητες*) возвысились до положения господ — у них были оружие и богатства. В темницах, непроницаемых для света, они совершали над господами то, к чему их самих следовало присудить. Бедняки врывались в дома знатных и рыскали по всей городской округе, которую они превратили в пустыню (*έρημίας*)... Дома, подземелья, подземные каналы, рвы — все, что могло служить убежищем, подвергалось обыску... Выгоняли почти голых, едва прикрытых одеждой [богачей], и тех,

¹⁰² Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 520.

¹⁰³ Ср. Ф. Энгельс, в кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. М., 1955, т. I, стр. 97.

¹⁰⁴ Cantac., III, p. 576.

¹⁰⁵ Ibid., p. 575 sq.

кто часто защищал их свободу и свободу города, они тащили их за собой с веревкой, затянутой вокруг шеи, словно рабов. Там раб гнал перед собой своего хозяина, здесь слуга — своего купца, крестьянин — стратига, батрак — стратиота¹⁰⁶. Такие меры приводили в ужас правящие классы. Они взывали о помощи и видели в классовой борьбе только разврат, беспорядки и незаконные устремления черни. Григорий Палама, глава исихастов, обратился с елейной речью к горожанам, когда они запретили ему — архиепископу Солуни — въезд в город. Он пытался им разъяснить, что у них нет врагов, кроме них самих, и что Кантакузину и динатам ничего не нужно, кроме спокойствия и порядка в стране и процветания города. „Кто рыскает по городу, разрушает здания, тащит из домов имущество, выслеживает (*ρίνηλαθοῦντες*) в дикой ярости их хозяев и убивает их безжалостно и бесчеловечно (*φονῶντες ἀνηλεῶς τε καὶ ἀπανδρώτως*)? Разве это не те, кто живет в городе? Кто те люди, на которых обращают они злобу, ненависть и дикую ярость? Разве это не те, кто живет в городе и делает ему добро? Какие страдания, какое горе! Город сам с собой воюет, сам себя побеждает, изгоняет своих жителей, отдает их жилища дикой злобе на растерзание. Лучшие пали, а ремесленники и дурные люди (*τοῦ βαναύσου καὶ χειρόνος... μέρους*) захватили власть и совершают недобрые дела“¹⁰⁷. Вот где зарыта собака: захват власти „убогими“ был для апостола исихастов камнем преткновения! На ужасные преступления турецких союзников своего друга Кантакузина он закрывает глаза: на священные основы государственного порядка турки не посягали, в отличие от низов, руководимых зилотами. И самым страшным для правящих классов было то, что эти события могли послужить для других примером. Теологический противник Паламы Димитрий Кидонис откровенно говорит об этом: „Солунь выступала учителем других городов в деле народной борьбы против аристократов“¹⁰⁸. Палама старался убедить зилотов и их приверженцев в том, что их деятельность богопротивна, так как она приводит к разврату. Те, кто не отказывается от раздоров и междоусобиц, теряют человеческое естество и превращаются в зверей: „Так из преступления возникает гражданская война и смута, несущие с собой всевозможные дурные дела, и нет меры злобе мятежников и их главарей, которые уподобляются зверям“¹⁰⁹. Эти упреки и обвинения врагов свидетельствуют, что политика зилотов задевала самые важные для них вопросы: собственность на средства производства и политическую власть. Андрей и его партия противопоставляли старому общественному порядку следующие положения.

1. Власти имеют право принимать все меры, которые они считают необходимыми для удовлетворения нужд населения.

2. Они могут расходовать деньги, отобранные у граждан, вопреки их желаниям.

3. Их поступки не должны противоречить узаконенным местным обычаям, а, наоборот, во всем им следовать¹¹⁰.

Ради блага народа они готовы были разбить все окопы. „Тем, кто служит общественному благу (*τοὺς ἐπιμελητάς τῶν κοινῶν*), позволено все,

¹⁰⁶ Démétrios Cydonès. Occisorum Thessalonicae Monodia (PG, t. 109, col. 645, 648, 647).

¹⁰⁷ PG, t. 151, col. 12 sq. В ВВ, I, 1947 (стр. 265 сл.) Б. Т. Горянов опубликовал рукопись № 67/212 Государственного исторического музея, относящуюся к третьей четверти XIV в., которая, однако, не дает существенных различий сравнительно с изданием Миня. Описание рукописи — там же, стр. 263.

¹⁰⁸ Цит. по P. Charanis. Internal strife in Byzantium in the fourteenth century. Byz., vol. 15, 1940/41, p. 217.

¹⁰⁹ PG, t. 151, col. 13.

¹¹⁰ J. Ševčenko. Op. cit., p. 94, 9. 1—6.

так как у них только одна цель: забота обо всех¹¹¹. К этому относилась и секуляризация церковных имуществ. „Что здесь ужасного (τί δεινόν)? Мы брали (λαβόντες) часть монастырских имуществ, которых было так много (πολλῶν ὄντων), чтобы накормить несколько бедняков, удовлетворить нужды священника и содержать храмы в порядке. Это не приносило им (монастырям) никакого вреда, так как для их содержания оставалось достаточно средств. Наша деятельность также не противоречила воле и желаниям вкладчиков, ибо они стремились только служить богу и помогать беднякам“¹¹². „Мы не совершали ничего противоречащего закону, когда использовали пожертвования для общественного блага“¹¹³. Видимо, дело не ограничивалось изъятием земель, а доходило до изъятия части движимого имущества. Кавасила сообщает также, что зилоты оправдывались тем, что они нашли лучшее применение для сокровищ¹¹⁴, — и это не было новым явлением в византийской истории. Еще в VII в. Иракий, а в VIII в. императоры-иконоборцы проводили подобное мероприятие в широких масштабах, чтобы привести в порядок финансы или иметь средства для отражения иноземных врагов. Зилоты также расходовали конфискованные суммы на оборону и упрочение своей власти в городе¹¹⁵. Они использовали σιτήσεις священников, принадлежавших к архиепископии, для создания общей кассы, открытой для нуждающихся клириков, равно как и для мирян¹¹⁶. По-видимому, они оставили архиепископу право взимать сборы за посвящение в священнический сан¹¹⁷. Негодование монахов и особенно игуменов по поводу всех этих распоряжений было понятным. Это негодование сближало их с разъяренными динатами, которые потеряли в Солуни имущество, родных и знакомых. Зилоты попрали законы, гарантировавшие право собственности, и угрожали всякому, кто чем-либо владел¹¹⁸. Опорой их власти были не церковь и феодальная знать, а ὄχλος — невежественная толпа. В прошлом нельзя было найти ничего подобного, и Григора не знал, с чем можно сопоставить такой строй. „Его нельзя сравнивать ни с одной формой государственного устройства (τῶν πολιτείων). Он не аристократический... и не демократический... и не является таким новым типом государства, который сочетал бы в себе черты двух и более предшествующих, вроде, например, того, что народ (τὸν δῆμον) по преданию установил в Риме и на Кипре... Нет, это какая-то особая охлократия (ὀχλοκρατία ξένη τις), которая сложилась не по воле человека“¹¹⁹. Разумеется, летописец ошибается, потому что πένητες, матросы и ремесленники не участвовали непосредственно в управлении и не занимали должностей в магистратуре. По крайней мере источники ничего не говорят об этом. Вершители всех дел были выходцами из высших слоев солунского общества:

¹¹¹ Ibid., p. 93, 6. 1—3.

¹¹² Ibid., p. 93, 6. 15—20.

¹¹³ Ibid., p. 110, 34. 23f.

¹¹⁴ Ibid., p. 94, 7. 15.

¹¹⁵ Ibid., p. 93, 6—20f. П. Яковенко (рецензия на книгу О. Тафрали — ВВ, XXI, 1914, стр. 184) предполагает, что часть земель была роздана прониарам, в которых город нуждался для защиты; именно для этого использовались монастырские владения. Когда И. Шевченко пишет, что о строительстве стен в Солуни нам ничего не известно, он забывает об осаде 1342 г., которая заставила зилотов усиленно готовиться к обороне. Если согласиться с ним в том, что „Слово“ было написано в 1344 г. (J. Ševčenko. Op. cit., p. 170), то утверждения памфлетиста приобретают особое значение: они, следовательно, написаны по конкретному поводу.

¹¹⁶ Ibid., p. 94, 8. 3—6.

¹¹⁷ О том, что они взимались, свидетельствует обвинительная речь Кавасилы (ibid., p. 110, 35. 8—25).

¹¹⁸ J. Ševčenko. Op. cit., p. 101, 21; 94; 96, 14.

¹¹⁹ Niceph., XVI, p. 796.

Андрей Палеолог, Георгий Кокала, протосеваст Метохит, архиепископ Иакинф (1342—1346)¹²⁰. В обязанности митрополита входило склонять города его диоцеза на сторону зилотов или проводить в них, как и в митрополии, конфискации имущества. Кавасила старается в своем сочинении доказать, что рукоположение священников архиепископом ничего не имело общего с предоставленными ему правами вмешиваться в дела епископий. Зилот-митрополит старался играть роль царя, рассылать повсюду „гегемонов“ и управлять всеми городами¹²¹. Кавасилу особенно возмущает, что некоторые наивные (εὐθεστέρους) священники, обманутые (ἐξαπατήσαν) этими притязаниями на власть, платили архиепископу и его сторонникам за посвящения в сан¹²². Для нас это замечание озлобленного противника является новым свидетельством хорошей организации и энергии революционного руководства.

Собственно партия зилотов, видимо, насчитывала небольшое число членов. Когда Михаил был убит в 1345 г., они тотчас же рассеялись и были не в состоянии действовать своими силами, но возложили свои надежды на матросов, которые не являлись членами партии, а были лишь ее союзниками. Это не значит, что революционные массы не оказывали никакого влияния на политику. Мы уже видели, что именно от них зависел в 1345 г. исход событий. Отдельным „убогим“, видимо, удалось высоко подняться по политической лестнице и присвоить себе имущество динатов. В своей „Второй речи к Кантакузину“ (1347 г.) Димитрий Кидонис писал: „Неожиданно разбогатев, они стали требовать, чтобы их допустили к управлению... и среди них трудно было найти такого, кто бы не хвастался дюжиной должностей. Стало невозможно нанять батрака, ибо все они исчезли: теперь они занимали посты в управлении“¹²³. Последняя фраза, несомненно, содержит в себе риторическое преувеличение. Экономического и социального освобождения могли добиться лишь отдельные лица, а не весь слой. На том уровне развития классового сознания масс создание плебейской республики было невозможным. В этой связи следует вспомнить высказывания Ф. Энгельса о сложности социального состава средневековых горожан, в число которых входили обедневшие бюргеры и городское население, лишенное бюргерских прав, ремесленные подмастерья, поденщики, люмпен-пролетарии. Плебейская оппозиция объединяла „разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще не развившимся, едва пробивавшимся наружу пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества... Партийная позиция этой смеси разнородных элементов была поэтому неизбежно в высшей степени неустойчивой и различалась в зависимости от местных условий. До Крестьянской войны плебейская оппозиция выступает в политической борьбе не в качестве партии, а лишь в виде шумной, склонной к грабежам толпы, которую можно купить и продать за не-

¹²⁰ Иакинф был варлаамитом, и Кавасила его ненавидел за связь с зилотами (R. Guillard. Correspondance de Nicéphoros Grégoras. Paris, 1927, p. 336).

¹²¹ J. Ševčenko. Op. cit., p. 115 sq.

¹²² Ibid., p. 115, 41. 1 f; 116, 43. 1—8. Эти сборы не явились каким-то новшеством, а восходили к старой традиции, которая, как подчеркивает Шевченко, существовала уже в X или XI в. Здесь идет речь о так называемом канониконе, который взимался с мирян, священников и монахов и существование которого засвидетельствовано многочисленными императорскими и патриаршими декретами (ср. E. Herma n. Zum kirchlichen Benefizialwesen im Byzantinischen Reich. „Studi bizantini et neellenici“, vol. V, 1939, S. 657—671). Зилотам было необходимо, чтобы каноникон по-прежнему уплачивался, укрепляя тем самым финансы осажденного города. Шевченко упускает это из виду, постоянно стараясь подчеркнуть легальный характер их мероприятий (J. Ševčenko. Op. cit., p. 147). Зилоты стремились использовать существующие учреждения в своих интересах, не обязательно прибегая к нововведениям.

¹²³ G. Cammelli. Demetrii Cydonii orationes tres... p. 79.

сколько бочек вина и которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции. В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, но и в этом случае она почти везде следует в своих требованиях и выступлениях за крестьянами — яркое доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни¹²⁴. Эта оценка, которая относится к Германии, справедлива и для Византии. Прежде всего события 1343 г. свидетельствуют о совпадении интересов крестьян и плебеев. Для целеустремленной деятельности плебейского крыла в Солуни было совершенно необходимо наличие коллегии матросов, которая в известной мере опиралась на цеховые традиции¹²⁵, причем значительную роль играла дисциплинированность ее членов. Партия зилотов использовала обе группы — плебеев и матросов — для осуществления своей антиаристократической политики и отчасти осуществила интересы низов. Григора пишет об этом так: „Некоторые особенно дерзкие лица самовластно объединились в союз и неистовствовали в течение всего периода (1342—1349 гг. — Э. В.), предоставив совращенным ими плебеям право распоряжаться в городе“¹²⁶.

После разгрома заговорщиков в 1345 г. сразу же был назначен новый императорский архонт — протосеваст Метохит. Купцам, предпринимателям и мастерам гарантировали неприкосновенность их имущества, т. е. безопасность от конфискаций (по крайней мере, наши источники больше о конфискациях не упоминают). Это, очевидно, повысило устойчивость коммуны. Когда 3 февраля 1347 г. перед Кантакузином открылись ворота столицы, состоялось его примирение с вдовствующей императрицей и Иоанном V и узурпатор принял 13 мая корону из рук патриарха¹²⁷, зилоты не прекратили борьбы, хотя они всегда официально заявляли, что их партия выступает в защиту принципа легитимности. Следовательно, причина и цели восстания были значительно глубже, и разногласия между Иоанном V (точнее говоря, Апокавком) и Кантакузином были лишь предлогом. То, что ожидало коммуну после капитуляции перед победителем, нашло отражение в императорском указе того же года. Кантакузин представляет этот указ в своей „Истории“ совершенно безобидным: „Поэтому он объявил, что никто не будет преследоваться за грабежи, совершенные во время гражданской войны. Будут только восстановлены права прежних владельцев на их собственность. Если же имущество было куплено или уничтожено, то ни о каком его возвращении или восстановлении в прежнем виде не может быть и речи. Император оказал щедрую поддержку (φιλοτιμίαν) лицам, которые понесли ущерб или были ограблены. Тем, кто незаконно пострадал или у кого было отобрано имущество, он помогал иначе“¹²⁸. Однако нужно учесть, что 1000 эмигрировавших и изгнанных аристократов ожидала возвращения в Солунь, рассчитывая восстановить свое прежнее экономическое и политическое положение. Зилоты не сомневались, что их реформы и принудительные мероприятия будут тотчас отменены. Поэтому вожди коммуны стали при поддержке большинства горожан на путь создания независимой республики во главе с двумя архонтами. По-видимому, зажиточные горожане легко решились на этот шаг. Они знали о плачевном состоянии византийских финансов и должны были опасаться, что им-

¹²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 355.

¹²⁵ Цехи сохранялись в Солуни еще в XIV в. В грамоте 1326 г. упомянут старший мастер цеха строителей (τοῦ ποστομαστόρος τῶν οἰκοδομῶν κυροῦ Γεωργίου τ. Μαρμαρᾶ) (F. Dolger. Aus den Schatzkammern. ., S. 306).

¹²⁶ Niceph., XVI, p. 796.

¹²⁷ Cantac., IV, p. 8 sq.

¹²⁸ Ibid., p. 11.

ператор подвергнет их чрезвычайным налогам. Кантакузин жалуется, что в момент его прибытия в Константинополь казна оказалась пустой. „Не хватало продовольствия вследствие ограбления и опустошения земель. Островные города и населенные пункты внутри страны находились во вражеских руках или пострадали от нападения внешних врагов и междоусобиц. Не было денег для войска“¹²⁹. К тому же в стране свирепствовала эпидемия чумы, которая унесла много людей, особенно в столице¹³⁰. Среди безбрежного моря бедствий Солунь была единственным островом безопасности. Энергичная деятельность зилотов гарантировала беднейшим гражданам социальную помощь. Хорошо организованная дружина защищала стены города от внешних врагов, а порт давал возможность сбывать продукцию и ввозить в известных пределах всякого рода сырье.

Это независимое положение республики сохранялось с 1347 по 1349 г. Андрей публично разорвал на городской площади императорское послание, в котором Кантакузин обещал городу благоденствия¹³¹. Архиепископу Григорию Паламе, который был назначен патриархом Исидором, был запрещен въезд в город¹³². И все-таки положение коммуны было неустойчивым. Наступление сербов отрезало Солунь от македонских земель. Стефан Душан захватил у Византийского государства во время гражданской войны больше половины территории. „Его владения простирались от Дуная до Коринфского залива и от берегов Адриатического моря до побережья Эгейского“¹³³. Противостоять собственными силами сербскому нашествию в течение длительного срока Солунь не могла. Как указывает Левченко, попытка создания торговой республики по образцу итальянских городов-государств была в условиях распадавшегося Византийского государства обречена на неудачу¹³⁴. Для этого на Балканах не было ни экономических, ни политических предпосылок. Наконец, внутри города, как и прежде, действовали враги. Озлобленное секуляризацией духовенство плело против зилотов хитрую интригу, обвиняя их во всех бедствиях. „Средние“ слои и плебеи легко поддавались этому внушению, так как они не видели твердой цели и только лелеяли неясные, часто утопические мечты о лучшей жизни¹³⁵. Их настроением воспользовался протосеваст. Раньше он не мог вмешиваться в политику, потому что фактически власть в городе принадлежала Андрею и зилотам. В 1349 г. он воспользовался уничтожением императорского послания, чтобы убрать Андрея¹³⁶. Андрей попытался снова воспользоваться средством, которое поставило его в 1345 г. у власти. Он отправился в матросский квартал и стал призывать к оружию моряков, чью корпорацию он возглавлял. „Но они (сторонники протосеваста. — Э. В.), наученные опытом, постарались не упустить время и немедленно двинулись против жителей портового района (*парадалассίων*), едва только они среди ночи узнали, что те взялись за оружие; еще до рассвета они одержали победу и выбросили противника из города. Народ грабил дома матросов... и зилотов, но никто при этом не был убит“¹³⁷. Андрей бежал сначала к сербам, которых он хотел уговорить вмешаться в события;

¹²⁹ Cantac., IV, p. 33. Об упадке доходов от торговли и падении ценности иперпира см. D. Zakuthinos. Crise monétaire... , p. 150 sq.

¹³⁰ Cantac., IV, p. 48 sq.

¹³¹ Ibid., p. 108.

¹³² Niceph., XV, p. 793.

¹³³ G. Ostrogorsky. Geschichte... , S. 417.

¹³⁴ М. В. Левченко. История Византии... , стр. 250.

¹³⁵ О роли монашества и духовенства в 1349 г. см. там же.

¹³⁶ Cantac., IV, p. 108.

¹³⁷ Ibid., p. 109.

когда же его попытка окончилась неудачей, он отправился на Афон где и умер.

После его бегства из Солуни зилоты не сразу потеряли власть. Они снова начали переговоры со Стефаном Душаном о передаче города. Кантакузин пишет о подарках царя, которые склонили немало граждан к принятию этого плана¹³⁸. По мнению Р. Браунинга, часть зилотов уже поняла, что нигде на территории Византии радикальная республика (подобная коммуне зилотов) не могла быть создана — особенно теперь, когда центральная власть находилась в руках Кантакузина и высшей аристократии¹³⁹. Было ли возможно создание такой коммуны в рамках сербского государства? Безусловно, нет. Городские поселения подчинялись царю или феодальной знати, а те не давали им свободы действий. Правда, богатые горожане могли иметь баштины, но, в отличие от властелей, они должны были выполнять всевозможные „работы“ и нести повинности¹⁴⁰. В то же время Душан покровительствовал торговле, а размеры царских владений открывали перед купцами широкие возможности. Душан подтверждал привилегии гражданам захваченных городов и подчас дополнял их новыми. Из его „Законника“ следует, что он установил суровые наказания для разбойников и знатных грабителей, чтобы защитить купцов от злоупотреблений и грабежей. Сановник или начальник, запретивший купцу остановиться в каком-нибудь населенном пункте, нес полную ответственность, если купцу был причинен из-за этого ущерб. Царские сборщики пошлин не должны были больше брать товары безвозмездно. Каждый торговец имел право доставлять товар на тот рынок, который его больше всего устраивал. Внутренние дела города находились в руках городского судьи¹⁴¹. Группа, которая думала о сдаче Солуни, использовала все эти обстоятельства, и ей удалось привлечь значительное число сторонников. При таком повороте событий Кантакузину пришлось действовать энергично. Вместе со своим зятем Иоанном V он отправился морским путем в Солунь, с тем чтобы, дождавшись прибытия своих войск, отбросить осаждавших сербов. Но войск оказалось слишком мало, и, не вступив в бой, они вернулись в Константинополь. Овладеть положением и задушить новую вспышку восстания зилотов Кантакузину удалось лишь с помощью 22 турецких кораблей¹⁴². В речи перед *ἐκκλησία* он постарался оправдать свое поведение и оклеветать зилотов, представляя их разбойниками, ворами и государственными изменниками. „Зилоты боролись против Кантакузина не с целью защитить молодого императора (Иоанна. — Э. В.), а с тем, чтобы получить возможность присваивать богатства, которые они любили больше всего на свете. А теперь (в 1349 г. — Э. В.) они подкуплены сербскими подачками: они не боролись за императора, как утверждали, а предали весь город ради своих интересов“¹⁴³. Никто в народном собрании не поднял голоса в защиту оклеветанных. Их руководители были арестованы и отправлены в Константинополь. Другие были изгнаны из родного города, как мятежники. Наконец-то перед Паламой открылись ворота города, и он смог занять свое место архиепи-

¹³⁸ Ibid., p. 110.

¹³⁹ Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 523.

¹⁴⁰ Ср. М. Wlainatz. Die agrarrechtlichen Verhältnisse des mittelalterlichen Serbiens. Jena, 1903, S. 155 f.

¹⁴¹ E. Francès. Op. cit., p. 94.

¹⁴² O. Tafrali. Op. cit., p. 252 sq.

¹⁴³ Cantac., IV, p. 117.

скопа¹⁴⁴. Только теперь реакционеры вздохнули свободно: удалось потушить грозное пламя. Димитрий Кидонис, поздравляя в своем письме императора с победой, заявлял, между прочим: „Вместо Тельхинов¹⁴⁵ во главе государства снова стоит разум. Те внушали всем страх убийствами и грабежами и выдавали людей неприятелю, отговариваясь тем, что заботятся об их безопасности. Они отказывались допустить к правлению (βασιλεύειν) тех, кого они подчинили, чтобы самим захватить власть и безнаказанно совершать такие преступления, что одно описание их бросает в дрожь. Они причиняли и другие страдания, за которые будут мучиться в аду“¹⁴⁶. Радость правящего класса была понятной. Страшные враги потерпели окончательное поражение. Так была потушена последняя искра мощного антифеодалного народного движения.

Постараемся еще раз проследить отдельные этапы движения зилотов.

Первый период начался политическим переворотом и изгнанием большей части династов в 1342 г. Он закончился осадой города в 1343 г. Кантакузином и турками. Для данного этапа характерно господство богатых купцов, ремесленников и предпринимателей. Они поддерживали антиаристократические устремления партии зилотов и стояли за умеренно демократическую политику.

Второй период начался с осады города и раскрытия заговора знати и μέσοι в 1343 г., а завершился попыткой Иоанна Апокавка осуществить реставрацию в 1345 г. Он отмечен ростом влияния городской и сельской бедноты, которая под руководством зилотов защищала коммуну от внутренних и внешних враждебных сил и требовала дальнейшего проведения более широких социально-политических реформ, выступая за последовательную демократизацию. Их ядром была матросская корпорация, а мощным рычагом — сельская беднота. Средние слои и богатые купцы отошли от союза с зилотами и способствовали попытке заговорщиков-аристократов осуществить переворот и расправе с Михаилом. При таких обстоятельствах плохо организованные πένητες не получили поддержки со стороны крестьян, вернувшихся к 1345 г. в деревню, и нужно было выступление матросов, чтобы активизировать их деятельность.

Третий период продолжался с момента разгрома реакции до бегства Андрея в 1349 г. Начало этого этапа протекало при прямой гегемонии городских радикальных элементов, которые вопреки воле новых вождей зилотов Андрея и Георгия уничтожали династов, грабили дома богатых, арестовывали и изгоняли всех подозрительных. Странники террора держали в страхе колеблющихся „средних“ и форсировали проведение реформ, направленных прежде всего против церкви и монастырей. Сильнее прежнего зилоты нуждались в поддержке плебейских слоев, но они стремились к укреплению и стабилизации положения в городе; это им удалось осуществить в значительной мере благо-

¹⁴⁴ Neilos. Enkomion (PG. t. 151, col. 617 sq.). Никифор Григора пишет о „нечестивом Паламе“, который, приехав в город, на первой же обедне, которую служил, пролил из чаши вино, подобно тому как проливали кровь христову (Niseph., XXVI, p. 73).

¹⁴⁵ Намек на легендарную семью жрецов, жившую на Ролосе. Они считались изобретателями обработки металлов, но занялись волхвованием и были за это уничтожены Зевсом.

¹⁴⁶ G. Cammelli. Démétrius Cydonès. Correspondance. Paris, 1930, № 4. Попытка датировать это письмо 1347–1350 гг. вызвала возражения у Дж. Меркати. По его мнению, оно должно относиться к моменту вступления Кантакузина в столицу в 1347 г. и является поздравлением императора с установлением его законной власти (G. Mercati. Per l'epistolario di Demetrio Cidone. „Studi bizantini e neoellenici“, vol. 3, 1931). Однако стилистические особенности, избранные Меркати в качестве критерия, не являются достаточно убедительными. Анализ содержания письма подтверждает правильность датировки Каммелли.

даря тому, что у плебейской оппозиции не было своей партии, а матросская корпорация подчинялась Андрею. С 1347 г. Солунь стала независимой республикой, ничем не связанной с центральной властью. Полная изоляция была ее силой и слабостью. Торговые и ремесленные круги искали *modus vivendi* с Византией и Сербией, а тем временем интригами архонта Метохита была создана новая оппозиция, изгнавшая Андрея.

В течение всего четвертого периода (1349—1350 гг.) зилоты пытались спасти то, что еще было возможно спасти. Эти попытки достигли высшей точки в переговорах с сербским царем Душаном и закончились, когда в 1349 г. Кантакузин и архиепископ Палама вступили в город. „Убогие“ больше не поднимались, потому что матросская корпорация была разгромлена, а никакой помощи из деревни они не получали. К тому же они прислушивались к наветываниям клерикалов. Партия зилотов распалась, ее члены были брошены в темницы или изгнаны.

За все время плебейские элементы ни разу не принимали участия в руководстве, они никогда не руководили бюргерской оппозиционной партией зилотов. В Солуни они вряд ли были охвачены таким же энтузиазмом, как в 1525 г. повстанцы в Тюрингии и в некоторых других областях Германии. Там общая революционная буря привела к тому, что „зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными элементами, участвовавшими в движении“¹⁴⁷. Даже во время трехдневных грабежей и беспорядков в 1345 г., когда зилоты стояли в стороне, до полной ликвидации старых экономических отношений в городе дело не дошло. Это отличает движение зилотов также и от таборитов. В Таборе в 1420 г. сельская и городская беднота являлась не только движущей, но и руководящей силой, организатором, стремившимся к созданию бесклассового общества и разрушению старого феодального порядка¹⁴⁸. Нет ничего удивительного в том, что до нас не дошло сведений о специфической идеологии плебейских слоев, что во время восстания не проявились никакие хилиастические стремления.

Как же обстояло дело в отношении самих зилотов? Они жили в эпоху бурных церковных споров паламитов и варлаамитов, они действовали в одном из центров поздневизантийского богомилства. Было бы вполне естественным, если бы они обратились, осуществляя секуляризацию, к готовой антицерковной идеологии, которая требовала по крайней мере „дешевой“ церкви. Эти вопросы побуждают к подробному исследованию идеологических течений XIV в. В противном случае ответы на них окажутся неопределенными и неудовлетворительными.

4. Исихасты, богомилы и зилоты

Поздневизантийский исихазм обязан своим появлением деятельностью Григория Синаита, который в 30-х годах XIV в. странствовал по византийским землям¹⁴⁹. Главной целью исихастов была „индивидуаль-

¹⁴⁷ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 356.

¹⁴⁸ Й. Мадек. Гуситское революционное движение. М., 1954, стр. 80 сл.

¹⁴⁹ См. об их предшественниках: G o ß und M e y e r. Hesychnsten; H. H a u c k. RE, 8, 1900, S. 14—18; M. Jugie. Palamas et la controverse palamite. „Dictionnaire de la théologie catholique“, XI, 2, col. 1735—1818; D. Angelov. Bogomilismus..., II, S. 37 f. Новый справочник: H. G. Beck. Kirche und Theologie im Byzantinischen Reich („Handbuch d. Altertumswiss.“, XII. Abt., 2 Teil, Bd. 1). München, 1958. К сожалению, мне не удалось его использовать.

ная духовная *regeneratio* монаха и мирянина¹⁵⁰, обративших взоры к богу. Так как сущность бога непостижима, люди стараются воспринять его энергию, в частности фаворский свет. По мнению исихастов, он видим и сверхъестественен, вечен и несотворен и обладает способностью обожествления¹⁵¹. Путь к познанию фаворского света лежал через молитву, которую Григорий называл действием святого духа в сердце. Она приносит душевный покой (*ἡσυχία*) и вызывает экстаз всепоглощающей любви к богу. Человек нуждается при этом в безграничном смирении, под которым Григорий понимал отказ от своей воли, преданность богу и полное забвение личности; на конечной ступени построенной Григорием лестницы добродетелей человек уже только орудие божье. В результате — отход от всякой деятельности, полная пассивность¹⁵². Византийские монастыри, и прежде всего афонские, относились к этому учению благосклонно. Против него выступал монах Варлаам (выходец из Калабрии), который нашел в лице Григория Паламы решительного противника. Спор зашел об отношении между божественной сущностью и божественной энергией. Палама считает их отличными друг от друга. Субстанция для него недоступна чувствам и непознаваема. Энергия — не ипостась и не может существовать сама по себе. Она исходит из субстанции подобно тому, как лучи испускаются солнцем. Ее формы бесчисленны¹⁵³. Паламе возражал Варлаам и его последователи, в числе которых был Никифор Григора. Они утверждали, что сущность и энергия тождественны. Различие между ними существует только в человеческом представлении. Бог выражает себя только в своих явлениях, к числу которых относятся и фаворский свет. Это не более, чем символ, но отнюдь не энергия или сущность. Сам человек остается даже в своем приближении к богу тем, что он есть. Обожествление не совершается нигде и никогда¹⁵⁴. Для паламитов это было кощунством, так как фаворский свет осенял Христа и его учеников и высшей целью каждого христианина было увидеть этот свет, чтобы исполниться бога¹⁵⁵. За это Никифор Григора упрекал паламитов в ереси. Всякое отделение субстанции от энергии является, по его словам, дуализмом (*διθρῆις*). Если они утверждают, что божественную сущность можно увидеть телесным оком, то что это, как не массалианство?¹⁵⁶

Эти обвинения должны были тем больше задевать исихастов, что в 1344 г. среди афонских монахов было обнаружено и изгнано некоторое число богомилов. Григора называет нескольких лиц, которые, очевидно, были „совершенными“: „Иосиф с Крита, Григорий из

¹⁵⁰ K. Onasch. Renaissance und Vorreformation in der byzantinisch-slavischen Orthodoxie. „Aus der byzant. Arbeit der DDR“, Bd. I. Berlin, 1957, S. 289 f.

¹⁵¹ M. Jugie. Palamas et la controverse palamite, col. 1785. В кратком изложении основ учения исихастов я не стремлюсь его специально исследовать, а хочу установить лишь точки его соприкосновения с богомильством. Поэтому я воздерживаюсь от привлечения обширной литературы вопроса.

¹⁵² К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 72 сл.

¹⁵³ W. Assili. Die asketische und theologische Lehre des heiligen Gregorius Palamas. „Das östliche Christentum“, Bd. 8, 1939, S. 50 f.

¹⁵⁴ К. Радченко. Религиозное и литературное движение... стр. 146 сл.; M. Jugie. Palamas et la controverse palamite, col. 1780 sq.

¹⁵⁵ A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire, p. 669. В этом положении отражена характерная черта восточной монастырской мистики. Идеалом монашеской жизни было лицезрение божества, достичь этого идеала можно было молитвами, а не трудами. Ср. P. Krüger. Morgenländische und abendländische Mystik. „Morgenländisches Christentum“. Paderborn, 1940, S. 106.

¹⁵⁶ Σωματικοῖς ὀφθαλμοῖς τοῦ θεοῦ τὴν οὐσίαν ὁρᾶν ἐγκωλυμένον, φησὶ, τοῦτο δὲ τῶν Μασσαλιανῶν (Niceph. Greg., XIX, p. 921).

Лариссы. Один называл себя Моисеем, другие — Исааком, Давидом и Иовом. В своих речах, мыслях и поступках они были безбожны (βεβήλους) и прикрывали свою грубость и невежество именами славнейших и достойнейших мужей¹⁵⁷. „...В их кругу почитали мочу Учителя и употребляли ее в пищу (ὄβρον τοῖς ἐδέρμασιν αὐτῶν ἐπιρραίνουσι), тогда как божественным воплощением они пренебрегали... Изображения святых они уничтожали и тайно сжигали“. Об остальном Григора предпочитает умолчать, чтобы не оскорбить ушей благочестивых христиан¹⁵⁸. В „Житии святого Феодосия Тырновского“ говорится, что массалиане, т. е. богомилы, три года бесчинствовали на Святой горе. Бродя, как нищие, по Афону, они чинили немалый вред монастырям. Если у них не было продовольствия, они совершали набеги на оливковые рощи, окружавшие монастыри, а также на виноградники и сады, и вообще творили, что им вздумается, и наносили монахам материальный ущерб. Они бесчинствовали так долго, что святые отцы не выдержали и созвали собор, где были разоблачены их коварство и пронырливость. Богомилов изгнали и предали проклятию навечно¹⁵⁹. Независимый от этого сообщения рассказ передает Григора, дополняя данные жития: „Некоторые тайно бежали оттуда, прежде чем все их распутство было раскрыто. Они устремились в Солунь и Веррию (Пеллу)... В своем духовном помрачении они стали сбивать с пути истинного людей подозрительными речами и болтовней (πολυμυθὸς φωνῆς) и своей скверной губили их“¹⁶⁰. Упоминание о Солуни очень важно. Здесь находился до открытия ереси на Святой горе центр богомилов. Автор „Жития святого Феодосия“ упоминает о монахине Ирине, распространявшей среди монахов „массалианское“ учение, которое таким путем было занесено на Афон¹⁶¹. Солунский митрополит Симеон, умерший в 1429 г., замечает в своем сочинении „Κατὰ πασῶν αἰρέσεων“, что эти еретики постоянно действовали в окрестностях города, где у них были свои общины¹⁶². Кроме скудных указаний Григоры об их взглядах, мы еще можем использовать очень важные данные „Жития Феодосия“. Два изгнанных монаха — Лазарь и Кирилл — отправились в Тырнов, где они снова принялись за прежние бесчинства. Кирилл поносил святые иконы и даже топтал их. У себя дома он употреблял напитки и оскверненную пищу. Монах учил, что сны являются „боговидением“ и что женщины и мужчины должны отказаться от законного брака¹⁶³. Из допроса обвиняемых, учиненного в 1350 г. синодом, явствует, что они были дуалистами, защищали бедность, предавались постоянной молитве, отвергали труд, проповедовали аскетизм, поносили крест, верили, в демонов и прежде всего стремились к лицезрению божества¹⁶⁴. Мистическая сущность этого учения очевидна. В словах еретиков чувствуются монашеские настроения: никакого физического труда, созерцание божества, постоянное совершение молитв и демонология. Эта черта была не нова,

¹⁵⁷ Ibid., XIV, p. 718.

¹⁵⁸ Ibid., p. 719.

¹⁵⁹ В. Н. Златарски. Житие и жизнь преподобного отца нашего Феодосия, „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, кн. XX, 2. София, 1904, гл. 14, стр. 19 сл.

¹⁶⁰ Nicéph. Greg., XIV, p. 719 sq.

¹⁶¹ В. Н. Златарски. Житие... гл. 14, стр. 19.

¹⁶² PG, t. 155, col. 65, cap. XI.

¹⁶³ В. Н. Златарски. Житие... гл. 14, стр. 20.

¹⁶⁴ Там же, гл. 15, стр. 20. Об этом синоде см. Д. Ангелов. Богомилство... стр. 158—162; E. Werner. Adamitische Praktiken im spätmittelalterlichen Bulgarien. BS, t. XX, 1959, S. 20—27.

она перешла в богомильство от массалиан¹⁶⁵. Евфимий Зигавин подчеркивает, что мистическое созерцание было широко распространено среди богомилов в XII в. „Они утверждали, что видят не только во сне, но и наяву (ὄπαιρ) бога в образе седовласого длиннородного старца, сына — бородатого мужчину (ὀπτηνήτην ἄνδρα) и святого духа — безбородого юношу. Так как демоны облегчали им видения и обманывали их многообразием образов, то они учили, что святая Троица не тождественна и не едина (ἄμισον καὶ διάφορον)“¹⁶⁶. Этот дар богомилы будто бы получают от святого духа, который живет в них. Они поэтому, будучи богорожденными (θεοτόχοι), знают все¹⁶⁷.

Богомилы поклонялись демонам, живущим в церкви. Они боялись рассердить этих духов, так как власть их была велика. Им не могли противостоять Христос и святой дух, так как бог-отец не лишил их могущества, а передал им власть над миром до Судного дня¹⁶⁸. Анализ житий святых показывает, что эта вера в демонов имела глубокие корни в народе. Византийцы верили не только в существование демонов, но и в их способность действовать¹⁶⁹. Массалианское наследие проявилось также в отказе от физической работы, который был заклеямен Евфимием¹⁷⁰. Вера в демонов, отказ от труда, вознесение молитв и созерцание божества были тесно связаны друг с другом и характеризовали уже первоначальное массалианство. Г. Фолье пишет, что учение массалиан основывалось на ложном понимании сущности первородного греха и его последствий. Дьявол как бы обосновался в грешных людях, и никакие внешние акции не могут изгнать его из человеческой груди — даже крещение. Только одни молитвы и ἀπάθεια дают человеку силу изгнать демонов и соединиться со святым духом¹⁷¹. Богомилы доходят до того, что не только отрицают незримость святого духа, но и „живо хвастают тем, что их природа становится божественной (εἰς τὴν θεϊαν φύσιν ἑαυτοῦ ἀμειφθῆναι)“, как говорится в одной греческой формуле отлучения¹⁷². Путь обожествления включает последовательное приобщение к природе ангела, архангела, серафима и, наконец, бога (καὶ τελευταῖον θεοῦ)¹⁷³. Отсюда происходит слово „боговидение“, которое Псевдокаллист вкладывает в уста Кирилла. Что же касается добавления мочи Учителя в пищу (отображенного также в „Житии Феодосия“), то если здесь идет речь об оскверненных блюдах, этот факт находит себе аналогию в сборнике формул отречения различных еретиков, напечатанном в „Патрологии“ Миня. В анафемах павликианам и евхитам (массалианам), между прочим, говорится: „Тем, кто поносит причащение святых таинств, но сжигает пуповину младенцев, чтобы

¹⁶⁵ Ср. Д. Ангелов. Влияния на чужди ереси върху богомильството. „Изв. на семин. при истор.-филол. фак. на Унив. св. Климент Охридски“, кв. I. София, 1942, стр. 176 след.

¹⁶⁶ Euthymios Zigabenos. Panoplia dogmatica, cap. 23 (PG, t. 130, col. 1320). Составлено между 1114 и 1118 гг. Ср. D. Angelov. Bogomilismus. . ., I, S. 13.

¹⁶⁷ PG, t. 130, col. 1317.

¹⁶⁸ Ibid., col. 1316.

¹⁶⁹ P. Joannou. Les croyances démonologiques au XI-e siècle à Byzance. „Actes du VI Congrès international d'études byzantines“, vol. I. Paris, 1950, p. 245—260.

¹⁷⁰ Ἀποστέφονται μὲν τῶν χειρῶν ἐργασίαν ὡς πονηράν (PG, t. 130, col. 1273).

¹⁷¹ G. Folliet. Des moines euchites à Carthage en 400—401. „Studia Patristica“, vol. II, 1957, p. 398.

¹⁷² L. V. Thalloczy. Ceremoniell der Abschwörung der Irrlehre und Conversion bei Bogomilen. „Bruchstücke aus der Geschichte der Balkanländer. Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina“, Bd. III. Wien, 1895, S. 368.

¹⁷³ Ibid., S. 369.

ее пеплом очистить (а вернее сказать, осквернить) душу (этим пеплом они загрязняют свою пищу), — анафема¹⁷⁴.

Трудно сказать, в какой мере это обвинение, которое уже при Августине выдвигали против монотанистов¹⁷⁵, соответствует фактам. В свете известий XIV в. можно, однако, заключить о существовании примитивной магически-фетишистской практики, которая существовала рядом с магическим самоуглублением и была тесно связана с сущностью исихастского „пупосозерцания“. Грубые, необразованные, ленивые и суеверные монахи не только восхваляли тупую исихию, но и приукрашивали эклектическую теорию, главными приверженцами которой они являлись, отталкивающими и смешными обрядами. Такие обряды, в сущности, присущи всякой религии, и богословы молча терпят их. Стремление к обожествлению через благочестивую, т. е. умертвляющую дух, молитву было общим для исихастов и поздневизантийских богомилов. Представители обоих течений происходили одинаково из монастырской среды. В монастырях издавна свила себе гнездо не только мистика, но и всевозможные ереси. Г. Дэррис видит в массалианстве даже „волну пнэтизма“, присущего монастырям¹⁷⁶. Д. Ангелов подчеркивает внутреннюю связь между обоими учениями, общую мистическую основу, которая „позволяет предположить, что учения массалиан-богомилов и исихастов в этом отношении генетически связаны“¹⁷⁷. Как у исихастов, так и у богомилов „Отче наш“ было единственной известной и практикуемой молитвой¹⁷⁸.

В 90-х годах XIV в. вышла в свет „Центурия“ Калиста II, который в 1397 г. около семи месяцев был константинопольским патриархом. Из этой книги следует, что Иисус, святые и таинства как священно-исторические ценности отошли у исихастов на задний план. „Центурия“ интересуется исключительно отдельно взятой личностью и ее отношением к богу как таковому, не касаясь вопроса о троице. Сам Иисус Христос, вопреки словам молитвы, обращенной к нему (Иисусе Христе,

¹⁷⁴ „Καὶ ἀποστρεφόμενοι μὲν τὴν τῶν θεῶν μυστηρίων μεταλήψιν, ὀφθαλοῖς δὲ βρέφων κεκαυμένοις εἰς κάρθαρν, μᾶλλον δὲ πολυσμὸν ψυχῶν, κεχρημένοι, καὶ τὰ ἴδια βρώματα τοῦτοις χηταμαίνουσι“ (PG, t. 130, col. 1467, Εὐχίται — это греческий вариант „массалиане“, слова сирийского происхождения (Д. Ангелов. Влияния. . . , стр. 151).

¹⁷⁵ Августин („О ересях“) утверждает, что монотанисты, „как известно, устраивают кровавые жертвоприношения, а именно: кровь годовалого ребенка, которую они получают, покрыв все его тело царяпинами, они, по рассказам, употребляют в качестве своего рода евхаристии; они подмешивают ее к муке и изготавливают затем хлеб. Если ребенок умирает, его считают мучеником; если же он остается в живых, то — великим жрецом“ (PL, t. 42, col. 30). Августин воспользовался обвинениями, выдвигавшимися язычниками против первых христиан, и направил их против „еретиков“; ср. K. A l a n d. Der Montanismus und die kleinasiatische Theologie. „Zeitschrift für Neutestamentliche Wissenschaft und Kunde der älteren Kirche“, Bd. 46, 1955, S. 112. Но это не означает, что в позднеантичный период не наблюдались ритуальные убийства детей. Во времена Августина языческая магия использовала его как средство угадывания будущего, и оно не было вовсе чуждо сектантам. Видимо, эти варварские обряды сектантов были перенесены языческой пропагандой на раннее христианство (см. F. Dölger. Sacramentum infanticidii. „Antike und Christentum“. Bd. IV, 3, 1936; J. Hubaux. Saint Augustin et la crise eschatologique de la fin du IV-e siècle. „Bull. de l'Acad. Royale de Belg. Classe des Lettres et des Sc. Moral. et Pol.“, 5-e série, t. XL, 1945, p. 669 sq.).

¹⁷⁶ H. D ö r r i e s. Christlicher Humanismus und mönchische Geist-Ethik. „Theologische Literaturzeitung“, Bd. 79, 1954, Sp. 643 f. Уже при Епифании (367—403) у массалиан были приверженцы среди месопотамских монахов. В конце IV в. мелитинский епископ Литий сжег много монастырей, которые поддались этой „чуме“. В северной Африке во времена Августина также были монахи, находившиеся под влиянием массалиан (ср. G. Folliet. Des moines euchites. . . , p. 391 f.; 399).

¹⁷⁷ D. A n g e l o v. Bogomilismus. . . , II, S. 40.

¹⁷⁸ D. O b o l e n s k y. The Bogomils. A study in Balkan Neo-Manichaeism. Cambridge, 1948, p. 254.

сыне божий, помилуй меня), не играл главной роли в жизни исихаста, который видел в Христе прежде всего божественное откровение для человечества. Такая система не нуждалась ни в культе девы Марии, ни в культе святых. Вера в спасителя Христа и благодать таинства была им чужда. Они не почитали его как „указывающего путь“ к созерцанию¹⁷⁹. Никифор Григора даже упрекал Григория Паламу за то, что тот не верит, что освященные священником вино и хлеб превращаются в подлинное тело и кровь христовы; более того, по его словам, Палама считал, что бог-сын — это младшее божество (ὡσπερ ὑφεϊμένον εἶναι λέγει θεὸν τὸν υἱόν) и отличается по своей сущности от бога-отца¹⁸⁰. Варлаам обвиняет своего противника в том, что тот навязывает церкви господней ошибку, которая коренится в безбожной массалианской ереси. Именно массалиане утверждали, будто существует два и больше богов¹⁸¹. Патриарха Каллиста I (1350—1354; 1355—1363) обвинили в массалианстве из-за его близости к подозрительному афонскому монаху Нифонту Скорпиону. „Не прошло и трех месяцев со дня избрания его патриархом, как большинство епископов отказалось от общения с ним и под присягой обвинило Каллиста в массалианстве. Они утверждали, что он один из тех людей, которые несколько лет назад были схвачены на Афоне. Так как патриарх отрицал это и на их клятвы отвечал своими, обе стороны обвиняли друг друга во всевозможных преступлениях: одного уличали в ограблении могил, другого — в разврате, третьего — в богомильской ереси (τὸν δὲ Βογομίλων αἰρέσεως), или в продаже церковных должностей, или в бесстыдной торговле с мирянами“¹⁸². Взаимные обвинения и встречные жалобы ярко характеризуют моральное падение патриарха и его окружения. Начиная с 1320 г., патриарший престол занимали исключительно монахи, известные своим обскурантизмом. Афонский монах Исайя (1323—1333) даже не удостоился посвящения в первый духовный сан. Когда исихазм восторжествовал благодаря победе Кантакузина, ученые, например Никифор Григора, подверглись гонениям. Патриархи Каллист и Филофей принадлежали именно к таким крайне реакционным монашеским кругам¹⁸³.

Вождь исихастов Палама решительно отверг обвинения в ереси. Он проводил резкую грань между своим учением о милости (χάρις) и богомильством. „Проклятые массалиане утверждают иное, когда говорят, что достойнейшим (ἀξιῶι) из них дано видеть божественное существо. Но мы, расходясь как с прежними, так и с нынешними еретиками, верим, что свет милости (τοῦ φωτός τῆς χάριτος) возносит нас до озарения“¹⁸⁴. Палама противопоставлял как богомильству, так и варлаамитству учение о милости. Цель его сочинений — сделать Христа объектом духовного опыта людей. По его мнению, милость познается не дискурсивно, а интуитивно. Милость божья может снизить и покинуть душу, но душа этого не замечает. Нет никакой „confirmata in gratia“¹⁸⁵. С догматической точки зрения Палама отмежевывается

¹⁷⁹ A. M. A m m a n n. Die Gottesschau im palamitischen Hesychasmus. Ein Handbuch der spätbyzantinischen Mystik. „Das östliche Christentum“, Bd. 6/7. Würzburg, 1938, S. 13, 39 f.

¹⁸⁰ Niceph. Greg., XXVI, p. 74.

¹⁸¹ Ibid., XIX, p. 921. Ср. O. Tafrali. Op. cit., p. 178, 189 sq.

¹⁸² Niceph. Greg., XVIII, p. 876.

¹⁸³ L. Bréhier. Le recrutement des patriarches de Constantinople pendant la période byzantine. „Actes du VI-e Congrès international d'études byzantines“, I, 1950, p. 221—227.

¹⁸⁴ PG, t. 151, col. 448.

¹⁸⁵ Ср. J. Meyendorff. Doctrine of Grace in St. Gregory Palamas. „St. Vladimir Seminary Quarterly“. New York, 1954, p. 17—26. Автор останавливается также на значении так называемой негативной теологии для Паламы. В другой работе

от богомилов безукоризненно. Простые же его последователи были не в состоянии провести грань между исихастами и богомилами. Им не хватало для этого теологического образования. С их точки зрения оба течения сходились в одно, учили одному и тому же: уходу в мистику и совершению молитв в монастырской келье или в тихих каморках скромных жилищ. Преклоняясь перед авторитетом Паламы, богомилы прикрывались его именем, и это, несомненно, воодушевляло их и поощряло их деятельность, особенно в Македонии¹⁸⁶. На пользу им шло и ослабление авторитета церковной иерархии во время борьбы различных церковных группировок. Палама стоял во главе монастырского движения, которое опиралось на Афон и выступало против существовавшей церковной организации. И богомилы с момента своего возникновения боролись против официальной церкви. Проповедуя под личиной исихастов, они умело использовали противоречия в православном лагере¹⁸⁷. К. Радченко правильно указывает на необразованность общей массы исихастов, которые легко могли принять божественную энергию за особое божество и видели в дуализме богомилов нечто близкое им самим¹⁸⁸. С другой стороны, само богомильство приближалось к пантеистическим и мистическим течениям, и его дуализм отступал на второй план, если не исчезал полностью, как это имело место на Западе при превращении катаров в люцифериан и братьев свободного духа¹⁸⁹.

С этим „новым“ богомильством должны были столкнуться зилоты. Мы уже говорили о возвращении богомилов в Солунь. Нашли ли они здесь в 1344 г. убежище от церковных властей? Воспользовались ли зилоты их помощью в борьбе против богатых церквей и монастырей? Проводили они или нет под видом антиаристократической политики антицерковную? Опиралась ли она на еретические элементы так же, как и на плебейские?

Если верить Кантакузину, восстание 1342 г. прямо начинается со святотатства. „В своей дерзости и безумии они зашли так далеко, что сразу же начали с кощунства. Похитив крест из святая святых (σταυρὸν ἐκ τῶν ἱερῶν ἀδότην ἀρπάζοντες), мятежники сделали его знаменем войны. Так поступали те, кто вел себя скорее как враг креста“¹⁹⁰. У нас нет оснований видеть в этом еретический акт. Скорее всего это была попытка в какой-то мере придать перевороту вид законного с точки зрения христианства действия, поставить его, так сказать, под покровительство спасителя. С другой стороны, у нас нет никаких оснований отвергать предположение, что зилоты старались присвоить себе символ православной церкви, чтобы скрыть еретические тенденции, — явление, довольно распространенное в ту эпоху. В Милане, например, действовал один усердный патарский проповедник Ландульф. Стремясь избежать подозрения в ереси, он перед началом своей проповеди про-

(J. Meyendorff. Notes sur l'influence dionysienne en Orient. „Studia patristica“, vol. II, 1957, p. 547—552) он рассматривает вопрос о познании путем аналогий (у Паламы и Псевдо-Дионисия).

¹⁸⁶ Сам Палама впервые ознакомился с богомильской ересью в македонских монастырях Трали и Папикий (PG, t. 151, col. 562 sq.).

¹⁸⁷ Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891, стр. 323, 366, 371, 378.

¹⁸⁸ К. Радченко. Религиозное и литературное движения. . . , стр. 156.

¹⁸⁹ Й. Иванов. Богомильски книги и легенди. София, 1925, стр. 35. О западных ересях в сравнении с балканскими см. К. Радченко. Религиозное и литературное движение. . . , стр. 212, 218—225; E. Werner. Die Nachrichten über die böhmischen Adamiten in religionshistorischer Sicht (в кн.: Th. Büttner — E. Werner. Circumcillionen und Adamiten — zwei Formen mittelalterlicher Häresie. Berlin, 1959), S. 98 f.

¹⁹⁰ Cantac., III, p. 234.

возглашал католический символ веры: „Осените себя крестным знаменем“¹⁹¹.

Такая тактика возможна была и в Солуни в 40-х годах XIV в. и притом в значительно большей степени, чем в Милане второй половины XI в. В то время возобновилась деятельность богомилов, а после победы радикальных сил в 1343 г. можно было наблюдать распространение антицерковной идеологии среди „убогих“. Рассказывая о попытке феодальной реакции поднять мятеж в 1345 г., Кантакузин сообщает, что среди зилотов укоренились наглые обычаи и привычки: „Мало того, что они творили беззаконие и губили страну, извлекая из всех бед выгоду. Они еще сооружали на дорогах большие купели и зажигали свечи, и если какой-нибудь горожанин был схвачен по подозрению в поддержке императора Кантакузина, он должен был подвергнуться вторичному крещению, как будто из-за его общения с Кантакузином первое крещение теряло силу. Подвергнутому испытанию в купели приходилось уплатить за эту церемонию определенную денежную сумму. Если человек отказывался подчиниться, зилоты считали, что он ненавидит их церемонии и является сторонником Кантакузина“¹⁹². Означало ли это „крещение“ принятие в общину? Зилоты крестили водой, а это не было в обычаях богомилов. Богомилы решительно отвергали крещение водой, считая Иоанна Крестителя посланцем сатаны. Они проповедовали духовное крещение, возводя его к Христу¹⁹³. Было бы совершенно неправильно изображать зилотов предшественниками анабаптистов XVI в.¹⁹⁴. Описанная Кантакузином церемония не имеет ничего общего с крещением как религиозным обрядом. По-видимому, вся эта церемония была своего рода ритуальным очищением, на что указывает применение воды и огня. Последнее сблизало ее с ордалией. При этой зажигались свечи, так как в них видели средство раскрытия тайны — они символизировали жизненный свет¹⁹⁵. Уплата денежной суммы указывает на то, что церемония была покаянием, с которым органически связаны горящие свечи¹⁹⁶. С помощью воды, свечи и штрафа осуществлялось обратное принятие в общину города, в коммуну. Трудно увидеть большее в сообщении царственного летописца: в нем ничто не указывает на сектантскую идеологию.

Далее Кантакузин рассказывает, что зилоты напивались в кабаке и потешались над христовыми таинствами (*καὶ τὰ ἄλλα ἐξουροῦντο τῶν χριστιανῶν μυστήρια*). Господнее возмездие поразило святотатцев. „За это наглое безумие народ (ὁ δῆμος) ненавидел их, да и другие причины

¹⁹¹ E. Werner. *Patarjoi* — patarini: Ein Beitrag zur Kirchen und Sekten-geschichte des 11. Jahrhunderts (в кн.: „Vom Mittelalter zur Neuzeit, Festschrift für Heinrich Sproemberg“). Berlin, 1956, S. 406).

¹⁹² Cantac., III, p. 570 sq.

¹⁹³ PG, t. 130, col. 1312; Interrogatio Johannis, ed. R. Reitzenstein (Die Vorgeschichte der christlichen Taufe). Leipzig—Berlin, 1929, S. 304—306. Евфимий Акмонийский писал: „Если кто-нибудь, по их мнению, был достоин принятия в общину, они клали ему на голову евангелие и произносили известные слова из евангелия и при этом читали сатанинские заклания“ (см. G. Ficker. Die Phundagiagiten. Ein Beitrag zur Ketzer-geschichte des byzantinischen Mittelalters. Leipzig, 1908, S. 24).

¹⁹⁴ Радикализм анабаптистов имел эсхатологически-апокалиптическую направленность и был связан с учением о „внутреннем свете“, т. е. с призыванием к собственному пророческому озарению. Анабаптисты боролись за основание общины „подлинных святых“. При этом главную роль играло позднее крещение (K. Heussi. *Kompendium der Kirchengeschichte*. Berlin, 1957, II. Auflage, S. 334 f.). Ничего подобного в отношении зилотов мы констатировать не можем.

¹⁹⁵ Müller-Bergström. *Gottesurteile*. „Handwörterbuch des Aberglaubens“, III, Sp. 990 f.; E. Wohlhaupter. *Die Kerze im Recht*. Weimar, 1940 („Forschungen zum deutschen Recht“, IV, 1), S. 178.

¹⁹⁶ Свечи применялись при церковном покаянии и использовались особенно при отпущении грехов в Великий четверг или в Великую пятницу (*ibid.*, S. 132 f.).

вызывали его гнев, так что в нерукотворной церкви пресвятой Богородицы были безжалостно убиты несколько зилотов. Одного из них протащили через площадь (*διὰ τῆς ἀγορᾶς*), стали бить палками и бросать в него камни, пока он не испустил дух"¹⁹⁷. Если не отвергать, подобно Тафрали¹⁹⁸, это сообщение как клевету императора, но принять его (как делает Ангелов)¹⁹⁹, то можно будет сказать, что среди сторонников зилотов были также богомильские элементы. Отрицание или поношение евхаристии могло исходить лишь от них. Показательно, что они вели эти речи в нетрезвом состоянии и не на площадях, а в трактире. Весьма вероятно, что руководство зилотов не терпело агитации богомилов среди населения: оно не нуждалось в их учении для защиты интересов коммуны. Богомильство было насыщено мистикой и не шло дальше созерцания бога и самообожествления. Какую пользу могла принести такая идеология зилотам в их борьбе против аристократии, против феодалов! Ангелов ошибается, считая, что движение богомилов, взятое в целом, „сыграло в свое время передовую, прогрессивную роль, несмотря на его мистические и аскетические элементы. Если исихасты с их мистическими устремлениями отвлекали массы от острых социальных противоречий действительного мира и в этом смысле были весьма полезны правящему классу, то проповеди богомилов вызывали у трудящихся революционное настроение и развивали у них активное отношение к действительности“²⁰⁰. Но этого нельзя обнаружить! Правда, социальные протесты богомилов могли прорываться наружу, как это было в Болгарии, где некий последователь Лазаря со своими учениками и ученицами бродил обнаженным, чтобы тем самым восстановить древнее равенство первых людей, сочетая с этим подражание Христу²⁰¹. Вполне возможно, что подобные протесты, которые можно было в XIV в. встретить и на Западе, возникали в Византии совершенно самостоятельно. Однако они ни на шаг не приближали угнетенных к свободе. Напротив, они удерживали их от классовой борьбы с оружием в руках, сковывали их активность и заводили в непроходимые дебри мистического созерцания. Ни одно революционное движение не может быть подготовлено такой идеологией. Это подтверждает история крестьянского восстания в Болгарии под предводительством Ивайла в 1277—1280 гг. Как подчеркивает И. Шидак, богомилы не принимали о нем никакого участия, хотя для их влияния имелись благоприятные условия. Их учение было сковано мистицизмом, под которым исчезло его социально-революционное зерно²⁰². В программе же повстанцев, насколько можно судить, не было ни малейшего намека на религиозную мистику²⁰³.

Это, конечно, не означает, что в XIV в. не было больше крестьян, разделявших богомильские убеждения, но вместе с тем готовых с оружием в руках сражаться против своих господ. Д. Ангелов приводит интересный пример, относящийся к Фракии, где целая деревня Буковики была населена „безбожниками“, как тогда называли богомилов: в 1330 г. один из динатов побудил их напасть на поместье Ирины, близ Виры, севернее Эноса. По словам Д. Ангелова, эти крестьяне-еретики еще и в XIV в. сохраняли антифеодалные настроения и

¹⁹⁷ Cantac., III, p. 571.

¹⁹⁸ O. Tafrali. Op. cit., p. 264, n. 2.

¹⁹⁹ Д. Ангелов. Антифеодални движения... стр. 454.

²⁰⁰ D. Angelov. Bogomilismus... II, S. 41.

²⁰¹ E. Werner. Adamitische Praktiken...

²⁰² J. Šidak. Oko pitanja, Crkve bosanske i bogomilstva. „Historijski zbornik“, t. III, 1950, str. 342.

²⁰³ П. О. Карышковский. Восстание Ивайла. ВВ, XIII, 1958, стр. 134.

готовы были к открытой классовой борьбе²⁰⁴. Однако, что осталось у них от собственно богомильского учения? Отвергали ли они „новое“ богомильство (в том виде, как оно нам известно) и возвращались к боевым идеям X—XI вв.? К сожалению, использованное Д. Ангеловым синодальное постановление говорит только об ἀσεβείας, не определяя более детально природу этого „безбожия“. Возможно, что ересь жителей Буковиков ограничивалась только ненавистью к феодальному гнету. История восстания Ивайла делает это предположение правдоподобным. Что касается зилотов, то они также не были, как пишет Ангелов, представителями „трезвого, очищенного от религиозной шелухи учения богомилов“²⁰⁵, а, напротив, ничего не имели с ним общего. Когда в 1347 г. партия зилотов запретила Григорию Паламе въезд в город²⁰⁶, это было не только отказом от исихазма, от идеологии феодальной реакции, но и отказом от богомильства, близкого Паламе. Ожесточенные враги зилотов наверняка не преминули бы обвинить их в „массалианской“ ереси, если бы для этого было хоть малейшее основание. Ни Кантакузин, ни Григора, ни Дмитрий Кидонис не говорят об этом ни слова. Только один раз патриарх Филофей (1354—1355, 1364—1376) в „Житии св. Саввы“ называет их учениками Варлаама и Акиндина²⁰⁷. Р. Браунинг думает, что вожди зилотов проявляли интерес к гуманистическим исканиям последнего и прежде всего к толкованию сочинений Платона и Аристотеля о государстве²⁰⁸. Даже если это верно, бесспорно, что зилоты не интересовались теологическими вопросами, поднятыми во время исихастских споров. У зилотов не было никакой религиозной идеологии. Они равнодушно относились к проблемам религии и затрагивали церковные взгляды лишь в той мере, в какой это было необходимо для их политики. Это проявляется в их отношении к архиепископу, который, как мы видели, принадлежал к их кругу. Кавасила пишет, что мятежники публично называли его другом и превозносили его, но старались избегать и тайно проклинали. Они старались вредить Иакинфу любыми способами, жадно прислушивались к клевете на него, радовались его смерти и желали, чтобы его престол оставался как можно дольше вакантным, чтобы преемник Иакинфа скоро исчез и чтобы они были вовсе избавлены от архиепископа²⁰⁹. Впрочем, наш свидетель противоречит сам себе, когда говорит об атмосфере неприязни, окружавшей митрополита, и о тайной его травле, — ведь Кавасила подчеркивает, что именно Иакинф поддерживал мятежников в их антимонастырских мероприятиях и недопустимым образом старался использовать свою власть в подчиненных ему диоцезах в интересах зилотов. Возможно, что он как представитель руководящей группы имел столкновения с другими вождями зилотов, но существенных противоречий между ними не было. Однако заслуживает внимания свидетельство Кавасилы об усилиях зилотов не допустить после смерти митрополита назначения преемника. Зилоты тем самым хотели избежать всякого ослабления своих позиций. Им приходилось считаться с тем, что патриарх мог избрать на его место исихаста, как это и произошло. Поэтому зилоты после смерти Иакинфа в 1346 г. отказались от нового архиепископа. Григорию Паламе был

²⁰⁴ D. Angelov. Zur Geschichte des Bogomilismus in Thrakien in der 1. Hälfte des 14. Jahrhunderts. BZ, Bd. 51, 1958, S. 374—378.

²⁰⁵ D. Angelov. Bogomilismus. . . , II, S. 42.

²⁰⁶ Niceph. Greg., XV, p. 793.

²⁰⁷ Издание „Жития“ см. A. Papadopoulos-Kerameus. 'Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας, V, 1898, p. 326 sq. Цит. по O. Tafrali. Op. cit., p. 269, n. 3.

²⁰⁸ Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 524.

²⁰⁹ J. Ševčenko. Op. cit., p. 119. 48. 6—13.

запрещен въезд в город. Мы видим, что и в данном случае речь шла о чисто политическом вопросе. Религиозный же момент был сведен до минимума или совсем устранен.

Религиозный индифферентизм в Солуни не ограничивался узким кругом зилотов. Палама высказывает в 38-й гомилии сожаление по поводу ослабления религиозного чувства народа. „Едва ли кто входит в наш святой храм. Люди жалуются на церковные праздники и не справляют их с чувством священного воодушевления, но лгут ради барыша и тщеславия“²¹⁰. Чем конкретнее была политическая цель, тем дальше отходило на задний план религиозное сознание. Народная ересь богомилов была не в состоянии способствовать успеху классовой борьбы и стать идеологией борцов против феодализма в Солуни и других городах²¹¹. При оценке еретического движения нельзя упускать из виду, что „всякая религиозная идея представляет собой препятствие для развития производительных сил и человеческих знаний“. Всякая религия, даже самая просвещенная, остается априори бесплодной, так как материальный мир отражается адекватно не в фантазии, а лишь при рационалистическом познании²¹². Религия способна дать только искаженное представление о силах природы и общества в сознании людей. Она является ложным отражением общественного бытия на определенном этапе развития. Религия отвлекает трудящихся от активной борьбы за преобразование вселенной, порождает в них наивную веру в неземные силы и приводит их к пассивности. Не случайно религиозная мораль верующих призывает к бездействию²¹³, как это ясно видно на примере исихазма и позднего богомильства. В. И. Ленин приходит к следующему выводу: „Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства... Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу“²¹⁴. Но, конечно, вышесказанное не означает, что религиозные движения не могут иметь прогрессивных тенденций. В. И. Ленин подчеркивает, что в истории было время, „когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой“²¹⁵. Причины этого заключаются в том, что в определенную историческую эпоху мировоззрение господствующих классов принимало форму религиозных идей и представлений. Коль скоро монопольное право на образование находилось в руках церкви и вера заменяла знание, „передовым общественным силам ничего не оставалось, как заключать прогрессивные идеи в традиционную оболочку религиозных категорий“²¹⁶. Зилоты не могли с этой целью использовать ни исихазм, ни богомильство, ибо эти формы религиозной идеологии не содержали в себе никаких передовых идей. Как то, так и другое течение было опиумом для городских и сельских масс. И, разумеется, неправильно объявлять исихазм,

²¹⁰ PG, t. 131, col. 484.

²¹¹ О роли народных ересей в классовой борьбе см. J. Масек. O třídím boji za feudalismu. „Českosl. čas. hist.“, t. V, 1957, str. 279.

²¹² J. H. Horn. Religion und Gesellschaft. Kritik herrschender Auffassungen in der bürgerlichen Religionssoziologie (в кн.: „Beiträge zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Geschichtsphilosophie“, hrsg. von R. Schulz. Berlin, 1958, S. 94 f.).

²¹³ См. об этом М. П. Баскин. Материализм и религия. М., 1955, стр. 40, 125 сл.

²¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 93.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ J. H. Horn. Religion und Gesellschaft. . . , S. 88 f.

как это делает К. Онаш, славянской религией утешения²¹⁷. Он так же „утешал“ угнетенные народы Балканского полуострова, как бутылка водки несет забвение безработному. Учение исихастов было отравой, которой после поражения массового восстания 1341 г. усердно потчевали побежденных, чтобы их духовно стерилизовать. Если зилоты увлекались классицистическими исследованиями какого-нибудь Кидониса, то лишь потому, что они искали в античном мире пример политического, а не религиозного деятеля. Солунь была центром эллинистического Ренессанса, „очагом эллинизма и подражательницей древним Афинам“²¹⁸. Идейные корни восстания зилотов надо искать именно здесь, а не у зилотов (арсенитов) XII и XIII вв., как это делает Браунинг²¹⁹. То была внутрицерковная партия, боровшаяся против так называемых политиков (*πολιτικοί*) или умеренных за влияние и господство в церковном управлении. Эти зилоты выступали за свободу церкви и независимость ее от государства. Подобно Федору Студиту, они не соглашались признать верховенство императора, требуя его подчинения строгой церковной дисциплине. Они были настроены против образования, против учености клира и проповедовали аскетизм, смирение и верность евангельским заветам. Их основной опорой было монашество, которому они стремились открыть путь к влиянию и власти. Само собой разумеется, они были убежденными противниками унии. С конца XIII столетия их стали звать арсенитами по имени патриарха Арсения (1255—1260; 1261—1267). Арсений отлучил от церкви Михаила VIII Палеолога за то, что тот ослепил и сверг с престола Иоанна IV Ласкаря. Патриарху пришлось уйти в изгнание, но его сторонники развили широкую деятельность в народе, разослали „божьих людей“ и установили связь с бывшим императором Иоанном. При Андронике II (1282—1328) им удалось добиться разрыва унии. Заговор в пользу династии Ласкаря был раскрыт, и на этом схизма арсенитов закончилась и церковные зилоты примирились с государством и господствующей церковью. Такова в общих чертах характеристика церковных зилотов²²⁰.

Если сравнить их историю с историей движения политических зилотов в Солуни, то сразу же бросается в глаза различие между ними. Арсениты главным образом боролись за увеличение власти церкви в государстве, а отнюдь не за социальные реформы. Они были далеки от антиаристократической политики, которую впоследствии проводили зилоты. То, что они обращались к народу, еще ничего не означает, ибо это обращение имело только одну цель — принудить императора к уступкам. Точно так же действовали студиты, когда они спорили с иконоборцами из-за церковных сокровищ. В обоих случаях это была демагогия, а не социальная программа. Было бы ошибочно утверждать, что зилоты в Солуни требовали подчинения государства церкви, подобно арсенитам. Наоборот, мы видели, что они признавали за муниципальной властью право распоряжаться церковными имуществами. Варлаамитский архиепископ Иакинф (1342—1346) находился под контролем зилотов. Державшийся независимо такой митрополит, как Палама, не получил доступа в город. Одним словом, церковные зилоты (арсениты) и политические зилоты не имели ничего общего, кроме названия. Одни боролись ради церковных (*res ecclesiastica*), другие ради общественных (*res publica*) интересов.

Как же в таком случае понимать бегство вождя зилотов Андрея на Афон? А. Каждан объясняет это связями, которые существовали

²¹⁷ К. Онаш, *Renaissance und Vorreformation...*, S. 292.

²¹⁸ О. Тафрали. *Op. cit.*, p. 156.

²¹⁹ Р. Браунинг. *Ук. соч.*, стр. 523.

²²⁰ См. А. А. Васильев. *History of the Byzantine Empire*, p. 659—662.

между зилотами и афонскими монахами и о которых мы, к сожалению, не можем узнать подробнее, так как не располагаем источниками. Во всяком случае трудно себе представить, что Андрея принял один из тех богатых монастырей, чье имущество он ранее экспроприировал. Следовательно, остается только предположение, что ему дали убежище еретики²²¹. Насколько эта мысль кажется с первого взгляда убедительной, настолько она оказывается необоснованной при близком рассмотрении. Филофей рассказывает в своем „Житии Саввасия“, что Андрей еще до 1349 г. совершил паломничество в Афон, чтобы повидать своего земляка, ватопедского монаха Савву²²². К тому же представляется весьма сомнительным, чтобы богомилы существовали на Афоне еще в 1349 г., если вспомнить об их преследованиях в 1344 г. Как мы видели, между богомилами и зилотами никакой близости не было.

Для монахов-исихастов и их игуменов изгнанный руководитель зилотов больше не был опасен. Его происхождение тем более служило ему рекомендацией, ибо в Афоне не могли не знать о напряженных отношениях между Кантакузином и Иоанном Палеологом. Андрей воспользовался Афоном как самым безопасным убежищем. Начиная с правления Андроника II, прот, старший из игуменов, подчинялся не императору, а патриарху. Только патриарх мог назначать его. Устав 1312 г. повышал прота в чине: богослужение он мог совершать в эпископии, который, по церковным правилам, носил только архиепископ²²³. Андрей потому и отдался под защиту прота, что на Афоне месть Кантакузина не могла его настигнуть, ибо соблюдение права убежища было вопросом чести. Наконец, остается решить, не связывали ли афонские власти каких-то планов с королем сербов, с которым вел переговоры Андрей и которому его сторонники хотели сдать город. Напомним, что Стефан Душан делал богатые подарки Афону и жаловал монахам важные привилегии. Он во всех случаях поддерживал монастыри против мелких проныров и всегда старался соблюдать их интересы²²⁴. Как бы то ни было, бегство Андрея на Афон не было для того времени чем-то из ряда вон выходящим. Не один обанкротившийся политик искал и находил убежище в монастыре. Следовательно, здесь нельзя искать доказательства связи партии зилотов с еретическими группами.

Итак, солунская коммуна не была связана ни с богомилами, ни с арсенитами. С какими же движениями средневековья ее можно сопоставить?

5. Зилоты, *popolo minuto* и „кризис“ феодализма

Р. Браунинг связывает движение зилотов с демократической традицией, которая, несмотря на аристократический режим и деспотизм, существовала в Византии до ее упадка. Он утверждает, что эта традиция восходит к античным городам-государствам, а в конечном счете к учреждениям родового строя. В Византии существовали более многочисленные свободные крестьянские общины, чем в Западной Европе. На заре византийской истории цирковые партии были мощным оплотом народного сопротивления тирании. Демократическими организациями были коллегии ремесленников, хотя они контролировались администра-

²²¹ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 192.

²²² PG, t. 151, col. 326.

²²³ Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1874, S. 191, 193.

²²⁴ G. Ostrogorski. Pour l'histoire. . . , p. 206.

цией²²⁵. С такой теорией „традиционализма“ никак нельзя согласиться. Разумеется, во все периоды византийской истории имела место классовая борьба и в городе, и в деревне. Она, однако, не была развитием ранних демократических традиций, а вытекала из конкретных общественных условий: из усиления эксплуатации, из изменения форм ренты, из последствий чрезвычайно напряженной внешней политики и т. д. Димы выросли в совершенно иной социально-экономической обстановке, нежели партия зилотов. В них участвовали не только крупные торговцы, предприниматели или чиновники, но и крупная землевладельческая знать²²⁶. В конце IX — начале X в. димы уже не имели никакого политического значения. Димархам осталась чисто декоративная роль при императорском дворе. На этот отмирающий институт зилоты не могли опереться. Что касается ремесленных коллегий, то их нельзя сопоставлять с западноевропейскими цехами, ибо это были принудительно созданные корпорации, которые находились под постоянным контролем эпарха. Эпарх регламентировал не только производство, но и сбыт. Он назначал цену, определял рабочее время и размеры оплаты помощникам. Каждая корпорация должна была производить только определенный вид товара. Так, например, ювелиры могли производить только изделия из золота, серебра и благородных камней, но не предметы из меди или других металлов. Никто не имел права выйти из корпорации без согласия эпарха²²⁷. Подобные коллегии едва ли имели возможность хранить демократическое наследие. Кроме того, источники XIV в. ничего о них не сообщают. Остается указание на свободные крестьянские общины. Исследовав соответствующие документы, Б. Т. Горянов высказывает мнение, что они продолжали существовать вплоть до гибели государства. Но, несмотря на сопротивление, они все больше облагались податями²²⁸. Вероятно, сохранение их объясняется тем, что в основе структуры византийской деревни лежала именно община, а не господская усадьба. Это вытекало из характера поселения. Византийское сельское поселение (большая или малая деревня, хутор) представляло собой естественный центр, из которого или недалеко от которого вырастала помещичья усадьба. Последняя была не в состоянии поглотить деревню, так как она не являлась единым хозяйственным комплексом, объединяющим вокруг себя одну или несколько деревень, но, наоборот, сама находилась внутри деревни и занимала только часть ее территории. Она граничила как с другими феодальными владениями, так и с хозяйствами свободных и зависимых крестьян²²⁹. К тому же коренного различия между свободной крестьянской общиной и деревней париков не было. И та и другая владели жалкое существование без всяких перспектив роста, без всякого технического прогресса, находясь в зависимости от продажных и ненавистных чиновников. Государство не заботилось о сбыте

²²⁵ Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 524.

²²⁶ Ср. А. Марисс. La durée du régime des partis populaires à Constantinople. „Bulletin de l'Académie Royale de Belgique“, vol. 35, 1947, p. 63 sq; его же. Fractions du cirque et partis populaires. „Bulletin de l'Académie de Belgique“, vol. 36, 1950, p. 396 sq.

²²⁷ М. В. Левченко. История Византии. . . , стр. 200 сл. В отличие от этого, Г. Миквиц (G. Mickwitz. Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. „Societas scientiarum Fennica. Comm. hum. litt.“, VIII, 3, Helsingfors, 1936, S. 140) пытается доказать, что столичные цехи были привилегированными.

²²⁸ Б. Т. Горянов. Крестьянство. . . , стр. 45—50. Свободное хозяйство (ὁπόστασις ἐλευθέρη) Иоанна Каравы и его собратьев (τῆς ἀδελφότητος) в районе Солуни упомянуто в императорском дипломе Хиландарскому монастырю от 1317 г. (F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , S. 41).

²²⁹ А. П. Каждан. Аграрные стношения, стр. 198.

продукции общин²³⁰. Поэтому их нельзя безоговорочно ставить в один ряд с общинами эпохи „Земледельческого закона“. Общины, вероятно, присоединились к восставшим в 1341 г., но у них не было конструктивных представлений о необходимых реформах, которые налицо у зилотов. В 1341 г. не было никакой крестнянской программы, никаких 12 статей! Зилоты использовали крестьян как союзников, однако не приходится говорить о преемственности демократических традиций, потому что таковых не существовало или они существовали в такой примитивной форме, что никак не могли быть перенесены на сложные городские отношения.

Тафрали обращается поэтому в поисках истоков движения зилотов не к прошлому Византии, а к Западу, к Италии. Он проводит параллель между событиями в Солуни и в Генуе, так как там в 1339 г. было низвергнуто аристократическое правительство и popolo minuto стоял у власти несколько лет²³¹. Само собой разумеется, известия об этом событии дошли до Византийского государства. В порты Константинополя и Солуни приезжало много генуэзцев, которые, несомненно, рассказывали о новом государственном строе у них на родине²³².

Между событиями в Солуни и Генуе, несомненно, есть много общего. В обоих городах ведущая роль принадлежала морякам. Вокруг них группировались средние слои горожан — ремесленники и мелкие торговцы. В Генуе во главе восстания тоже стоял выходец из богатой семьи (правда, не из феодалов, как в Солуни). Пополаны оказывали давление на ход событий, подобно *πέμπτες* и *γεωργοί* в городе св. Димитрия²³³. Однако в Генуе не было такой руководящей группы, какой являлись зилоты. Симон Бокканегра не опирался ни на средние слои, ни на плебс, но вступил на путь непотизма. Основным пороком движения 1339 г. было то, что пополаны не конфисковали имущества нобилей, а оставили за ними их земельные владения и движимость. Тем самым в городе сохранились все предпосылки для восстановления прежнего политического строя²³⁴. Таким образом, генуэзское восстание является попыткой разрешить противоречия в духе „среднего бюргерства“, т. е. непоследовательно. Это устраивало и Бокканегра, и пополанов. Требования матросов и плебса экспроприировать богачей не были выполнены. Это парализовало сопротивление республики проискам реакции. Народ безучастно отнесся к сдаче города тирану Милана. Напротив, коммуна зилотов отражала более высокую ступень социальных противоречий. Она перешагнула рамки внутригородской борьбы за конституцию и превратилась в революционное движение, не остановившись перед глубокими преобразованиями²³⁵.

Следовательно, о влиянии генуэзского восстания на революционные события в Солуни не может быть и речи. Последние, как мы видели,

²³⁰ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 228.

²³¹ O. Tafrali. Op. cit., p. 256.

²³² Кантакузин прямо говорит о восстании и о „народном вожде“ Симоне Бокканегра. По его словам, „народ предпочитал демократическую конституцию власти диктатов и «лучших»“ (Санта-с., IV, 26, p. 197). Мне была недоступна статья Шевченко (J. Ševčenko. The Zealot Revolution and the Supposed Genoese Colony in Thessalonica. „Прозфора εις Ст. Κυριακήν“. Θεσσαλ., 1953).

²³³ Нельзя согласиться с А. Дореном, когда он пишет, что ремесленники и мелкие буржуа были так развращены и продажны, как едва ли где-нибудь еще в Италии, и оказались как совершенно незрелыми, так и неспособными принять участие в якобы демократическом правительстве (A. Doren. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934, S. 182). Им не доставало целеустремленного руководства и прочного союза с городской и деревенской беднотой, а не революционного размаха.

²³⁴ Ср. М. А. Гук ов с к и й. Итальянское возрождение. Л., 1957, стр. 196.

²³⁵ Это очень хорошо подчеркивает Р. Браунинг (ук. соч., стр. 524).

явились кульминационным пунктом антифеодалного движения, которое в 1341 г. охватило все Византийское государство, и не нуждались ни в каких толчках извне. Возможно, что зилоты из событий 1339 г. сделали себя какие-то выводы, но они не нуждались в побуждении для наступления на своих нобилей.

Этот негативный вывод ни в коей мере не снимает закономерности сопоставления итальянского Trecento и битв в поздневизантийских городах. Напротив! Исторический материализм отвергает тезис буржуазной историографии, что общество переживает лишь неповторимо индивидуальные процессы и потому не знает закономерности развития. Он учит, что закономерность исторического развития означает повторяемость в главных чертах тех или иных процессов, порожденных аналогичными условиями. Если принимать во внимание только внешнюю сторону явлений, то в истории все происходит однократно. Но сущность событий повторяется повсюду, где имеются условия для этого²³⁶. Основой повторяемости в истории является наличие объективных связей в обществе, единство способа производства в различных странах.

Очень поучительным, в частности, является сравнение событий в Солуни с восстанием чомпи во Флоренции. Как в Солуни, так и во Флоренции мы можем констатировать совместные действия μέσοι и πένητες. Средние бюргеры в обоих случаях вели себя нерешительно. Низшие слои выступали движущей силой, имевшей свою организацию (матросская корпорация, новые цехи). На первой фазе восстания и во Флоренции руководство принадлежало представителю господствовавшего класса. На второй фазе восставшие поставили у власти представителя низов — Микеле Ландо. Когда тот оказался предателем, они выбрали из своих рядов революционный комитет. Это свидетельствует о более высоком уровне сознания флорентинских рабочих по сравнению с византийскими бедняками, которые не были объединены в мануфактурах. Чомпи выработали собственную социальную программу. Правда, находясь под несомненным влиянием „умеренных“, они осуществляли ее непригодными средствами. Но весьма вероятно, что они перешли бы и к более радикальным мерам, если бы одержали победу. Покуда они не экспроприировали предпринимателей и грандов, все их реформы были обречены на неудачу. Это-то как раз хорошо понимали зилоты, поэтому их власть оказалась более прочной и устойчивой.

Можно ли констатировать влияние на чомпи современных социально-религиозных движений? Н. Родолико сомневается в этом²³⁷. И в самом деле, в источниках, которые по большей части написаны противниками чомпи, нет даже намека на то, что восставшие приняли распространенные в те времена пророчества о грядущем уничтожении маленькими людьми всех тиранов и предателей или призывали к разграблению всех церковных имуществ. Враждебное отношение к церкви ни в чем не проявлялось. Правда, был разграблен монастырь „Ангельских пустынных“, но только потому, что богатые бюргеры прятали в нем свои сокровища²³⁸. На цеховом знамени чомпи был изображен церковный символ: архангел Гавриил с крестом и мечом²³⁹. В комитете „Восьми святых“ состоял

²³⁶ G. Heyden. Zu einigen Grundfragen des historischen Materialismus. „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“ (в печати).

²³⁷ N. Rodolico. I Ciompi. Una pagina di storia del proletariato operaio. Firenze, 1945, p. 163. Подробное изложение и оценку событий с марксистских позиций см. В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии XIV — начала XV в. М. — Л., 1958, стр. 134—212.

²³⁸ М. А. Гук овский. Итальянское Возрождение... стр. 184.

²³⁹ Diario dello Squittinatore, ed. Corazzini. „I Ciompi. Cronache e documenti...“. Firenze, 1888, p. 32.

бывший патарен-писец Гаспарре ди Рикко, о котором хронист сообщает: „Среди них был писарь по имени Гаспарре ди Рикко. Он жил на улице Гибеллина и учил ребят грамоте. В 1353 г. этот Гаспарре был крещен, т. е. подвергнут пыткам патаренами“²⁴⁰. Он, видимо, примкнул к чомпи потому, что основной мотив его ереси совпадал с устремлениями городских низов. „Плебейство и ересь — две стороны одного направления“²⁴¹. Это не значит, разумеется, что Гаспарре хотел превратить революционный комитет в сектантскую общину. Наоборот, из „народного еретика“ он превратился в революционного политика. Его стремление научить рабочих-суконщиков грамоте показывает, что он хотел подготовить достойные кадры для народного правления. Для врагов демократии было неслыханным, чтобы чесальщики шерсти, шерстобиты и люди, которые „родились на свет только вчера“, осмелились взять в руки управление.

„Повсюду и везде на белом свете ныне
Хулят наш флорентийский сброд.
Ведь он не знает правильной латыни!
Его гордыне
Поставь предел, божественный Христос:
Он до искусства править не дорос“²⁴².

Мероприятия правящего класса были направлены не только на то, чтобы экономически поставить рабочих на колени, но и внушить им, что они не в состоянии управлять коммуной и только доведут ее до голода и нищеты.

Чомпи доказали, что *popolo minuto* при наличии в нем революционного слоя был вполне в состоянии осознать свои классовые интересы и защищать их. Правда, для прочной победы еще не пришло время, но воля к победе, понимание необходимости создания революционной организации и составления революционной программы действий означает большой шаг вперед. Чомпи выгодно отличались от зилотов наличием у них самостоятельной организации и руководства. То, что экономически чомпи не разгромили грандов и предпринимателей, явилось их роковой ошибкой. Этой ошибки избежала партия зилотов, хотя крупное купечество сохранило в своих руках капиталы и имущество.

Насколько можно судить, поддержка города деревней во Флоренции была много слабее, чем в Византии. Было ли это вызвано особыми условиями — последствиями гражданской войны и грабительских набегов турок, или же для этого были более глубокие причины? Р. Браунинг придерживается того мнения, что отделение города от деревни в Византии было менее значительным, чем в Италии²⁴³. Столь же незначительное отделение города от деревни констатирует в отношении Южной Италии и Беневента М. дель-Треппо²⁴⁴. Едва ли, однако, правильно характеризовать одного небольшого городского поселения на юге Италии в эпоху раннего средневековья распространять на развитые североитальянские области XIV в. Тем не менее Е. Фиуми высказывает аналогичную точку зрения относительно флорентинского контадо. Он пишет: „Между

²⁴⁰ Marchione di Coppo Stefani (G. O. Corazzini. *I Ciompi...*, p. 38, n. 2).

²⁴¹ A. de Stefano. *Le eresie popolari del Medio evo. „Questioni di storia medioevale“ a cura di E. Rota. Milano, 1951, p. 77).*

²⁴² *Diario Compagno*, ed. Lorazzini. „*I Ciompi...*“, p. 126.

²⁴³ Р. Браунинг. Ук. соч., стр. 524.

²⁴⁴ M. del Treppo. *La vita economica e sociale in una granda abbazia del mezzogiorno. San-Vincenzo al Volturno nell'alto medioevo. „Arch. storico per le Province Napolitane“.* N. S., vol. 35, 1956, p. 68.

городом и деревней нет непроходимого разрыва. Это две стороны одной экономической системы, связывающей их между собою...²⁴⁵. К такому же выводу приходит и Ф. Коньяссо, когда он пишет о „двух сторонах единой социально-экономической системы“, что проявилось на первом этапе развития коммун в непосредственном участии мелких феодалов контадо в городском управлении²⁴⁶. С этим соглашается Р. Ромео, говоря о несколько более позднем времени. Он считает, что такое положение существовало и после создания коммун благодаря приобретению земли горожанами, начиная со второй половины XIII в., или переселению землевладельцев в город²⁴⁷. Но все же Фиуми признает, что „городское хозяйство“ — надо сказать: ранний капитализм — оказывало влияние на аграрный строй, стимулируя при этом развитие сельского хозяйства²⁴⁸. Прямо противоположную позицию занимает Дж. Лущато — специалист по истории народного хозяйства. „В целом, в земледелии, полностью основанном на труде колонов, по-прежнему господствовали методы, мало отличавшиеся от тех, которые были описаны древнеримскими авторами... Крупные купцы города, которые были одновременно крупными земельными собственниками... обращали все свое внимание и все свои способности на торговые дела; земля являлась для них лишь одним из средств обезопасить себя от риска, связанного с торговлей и банковским делом, всего лишь побочным источником дохода... Уничтожив власть крупных феодалов, город занял их место; он рассматривал подчиненную его власти деревню как свою колонию, которая должна снабжать город продовольствием и где должны находить сбыт изделия городского ремесла... Таким образом, несмотря на то, что в первый период своего существования коммуна боролась с крепостничеством (стремясь тем самым ослабить сеньоров контадо), положение жителей контадо весьма напоминало положение прикрепленных к земле крестьян, с той лишь разницей, что это прикрепление осуществлялось теперь в интересах горожан, ставших собственниками земли“²⁴⁹. К этому общему выводу присоединяется Ч. Вьоланте, исследовавший источники по истории пизанской деревни. „Буржуазия... принесла в деревню не предкапиталистический дух города, а умонастроение, которое можно назвать неофеодалным“²⁵⁰. По мнению Н. Оттокара, коммуны в Италии были центром большой и сложной организации, выходявшей далеко за пределы города. Городская община оставалась связанной с окружающей средой, будучи ее организационным ядром и политическим центром, где также жила и феодальная знать²⁵¹. Последнее сближает итальянскую коммуну с византийским полисом. Здесь также императорские чиновники, которые в поздний период были весьма часто живущими в городе династами, управляли деревней из городских центров.

В условиях дробления административных единиц, наблюдаемого в XIV в., византийский город приобретает характер организующего центра

²⁴⁵ E. Fiumi. Sui rapporti economici tra città e contado nell'età comunale. „Arch. stor. ital.“, vol. 114, 1956, p. 64 (cp. p. 67).

²⁴⁶ F. Cognasso. Le origini della signoria lombarda. „Arch. stor. lomb.“, vol. 83, 1959, p. 8.

²⁴⁷ R. Romeo. La signoria dell'abate di Sant Ambrogio di Milano sul comune rurale di Origgio nel secolo XIII. „Riv. stor. ital.“, vol. 69, 1957, p. 340.

²⁴⁸ E. Fiumi. Sui rapporti economici... p. 41 sg.

²⁴⁹ G. Luzzatto. Storia economica d'Italia. L'Antichità e il Medioevo. „Bibl. storica“, 20. Roma, 1949, p. 246 sg., 272, 275 (см. русский перевод: Дж. Лущато. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 276 сл., 303, 306 сл.).

²⁵⁰ C. Violante. Per la storia... p. 173.

²⁵¹ N. Ottokar. Il problema della formazione comunale. „Questioni di storia“, p. 358 sg.

контадо. Правда, византийское контадо резко отличалось от итальянского тем, что в нем господствовали не горожане, а феодальная знать²⁵². Что касается крестьян, для них не имело значения, кто взимал с них ренту — динат или *borghese*. Однако изменение формы эксплуатации не прошло бесследно для социальной структуры деревни.

Как мы видели, Луццато и Вьоланте отрицают экономическое воздействие города на развитие сельского хозяйства. Их заключения находятся в резком противоречии с выводами советских ученых, показавших, что в деревню проникало разлагающее действие товарно-денежных отношений, которое приводило к „имущественному расслоению крестьянства“²⁵³. М. А. Гуковский говорит о глубоком проникновении капиталистических отношений в итальянскую деревню XIV в., обусловленном приобретением землей городскими собственниками. В отличие от прежних господ, землевладелец-горожанин стремился к максимальным доходам. С этой целью он освобождал крепостных и вводил краткосрочную аренду — от двух до пяти лет. Но такой системе наносило большой ущерб переселение крестьян в город, усилившееся после 1348 г. — года „Черной смерти“. Чтобы удержать крестьянина на земле, городские землевладельцы предоставляли ему ссуду, которую тот мог частично выплатить продуктами. Крестьянин, становившийся арендатором, получал землю, денежный заем и хозяйственный инвентарь. За это он обязывался по договору так возделывать участок земли, чтобы тот стал еще „плодороднее“. Он должен был ежегодно в положенный срок отдавать землевладельцу определенную часть урожая, нередко достигавшую половины. Подобное половничество (*mezzeria*) было в XIV в. наиболее распространенной формой аренды²⁵⁴. За соблюдением крестьянами условий контрактов следили особые государственные комиссии (во Флоренции, например, *Sex de blado*). Они налагали на крестьян высокие штрафы (200 флоринов), если было доказано их недобросовестное отношение к арендованной земле. Если юридически крестьянин мог отказаться от своей parcelлы и уйти, то практически он был не в состоянии это сделать в силу взятых на себя обязательств. Со второй половины XIV в. появились ясные признаки восстановления феодальной прикрепленности к земле²⁵⁵. Горожанин, ставший земельным собственником, очень скоро приобрел интерес к поддержанию феодальных форм эксплуатации в деревне; поэтому-то он и препятствовал переселению крестьян²⁵⁶. С этим же связано и увеличение доли натуральной ренты в арендных договорах. В. В. Стоклицкая-Терешкович выводит эту регрессивную тенденцию из недостаточного развития капиталистических отношений в городе. Вместе с тем полуфеодалная аренда препятствовала созданию внутреннего рынка, столь необходимого для мануфактур в связи с сужением внешнего, и уже в конце XIV в. флорентийские предприятия пришли в упадок²⁵⁷.

²⁵² Ср. E. Stein. *Untersuchungen...*, S. 20; E. Kirsten. *Op. cit.*, S. 42.

²⁵³ „История средних веков“, т. I, стр. 283. Здесь дается общая характеристика развития Западной Европы.

²⁵⁴ М. А. Гуковский. *Итальянское Возрождение...*, стр. 204—207. О половничестве см. A. Doren. *Italianische Wirtschaftsgeschichte*, S. 222—232 и указанную там литературу.

²⁵⁵ М. А. Гуковский. *Итальянское Возрождение...*, стр. 211.

²⁵⁶ G. Varini. *Cives e rustici a Milano alla fine del XII secolo e all'inizio del XIII secondo il Liber consuetudinum Mediolani*. „*Riv. stor. ital.*“, vol. 69, 1957, p. 39.

²⁵⁷ В. В. Стоклицкая-Терешкович. К вопросу о „раннем капитализме“ во Флоренции XIV в. Сб. „Средние века“, вып. V, 1954, стр. 348. Всячески следует поддерживать мысль А. Д. Эпштейна („К вопросу о «раннем капитализме»...“, стр. 352 сл.) о необходимости изучать историю аграрного хозяйства в Италии вместе с историей раннего капитализма.

Если некоторые утверждения советских ученых нуждаются отчасти в дополнении и поправках²⁵⁸, то их главные выводы вполне приемлемы, ибо они полностью соответствуют действительности. Развитие городского хозяйства привело к расслоению крестьянства и прежде всего ускоряло переход от натуральной повинности и отработок к денежной ренте. Феодальная реакция в конце XIV в. способствовала сохранению натуральной ренты, но не уничтожила тенденции к росту денежной ренты.

Аналогичный процесс мы наблюдаем и в Византии. В основе феодальной эксплуатации лежала денежная рента. „Феодальная рента... являлась преимущественно денежной рентой“, — констатирует Г. А. Острогорский на основе изучения писцовых книг²⁵⁹. К тому же выводу приходит А. Каждан в своем капитальном исследовании аграрных отношений, где он, кроме того, обращает внимание на появление новых видов натуральных повинностей²⁶⁰. Точно так же мы обнаруживаем краткосрочную аренду земель, которые динаты сдавали за треть или половину урожая. И это не случайное совпадение, а результат воздействия на систему феодального сельского хозяйства со стороны местного и иностранного торгового и мануфактурного капитала, как это имело место и в Италии. В Солуни, Константинополе и других полисах были мануфактуры, на что указал уже К. Маркс. „Мануфактура, — писал он, — возникает там, где происходит массовое производство на вызов для внешнего рынка, следовательно, на базе крупной морской и сухопутной торговли, в эмпориях — коммерческих центрах, каковы итальянские города, Константинополь, фландрские, голландские города, некоторые испанские, как Барселона, и т. д.“²⁶¹ Они были в Византии более редкими и слабыми, нежели на латинском западе, но все же они своим появлением вызвали изменения в системе феодальной ренты.

Итак, несмотря на то, что византийское хозяйство XIV в. в известной мере отличалось от западноевропейского, существенные процессы были аналогичными. Поэтому и Византия переживает те „тяжелые времена“²⁶², которые нередко обозначают термином кризис феодализма²⁶³. Большинство исследователей-марксистов приняло этот термин²⁶⁴. Разумеется, необходимо подчеркнуть, что здесь идет речь только об усилении противоречий между производительными силами и феодальными производственными отношениями, но отнюдь не обязательно об упадке системы²⁶⁵.

В чем же причина „общественных бедствий“, „экономической неустойчивости“, „денежного кризиса“ и „социальных потрясений“?²⁶⁶

²⁵⁸ Это прежде всего относится к флорентийской суконной промышленности конца описываемого столетия. Сомнительно, чтобы она находилась в упадке.

²⁵⁹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire... p. 356.

²⁶⁰ А. П. Каждан. Аграрные отношения... стр. 120.

²⁶¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 48. См. Э. В. Удалцова. Предательская политика... стр. 95 сл.

²⁶² „Histoire générale des civilisations“, vol. III. Paris, 1957, p. 402.

²⁶³ E. Perroy. Les crises du XIV-e siècle. „Annales ESC“, 1949, p. 173 sq.; R. H. Hilton. Y a-t-il une crise générale de la féodalité? „Annales ESC“, 1951, p. 23—30. Библиографию см. также: „Relazioni“, vol. VI. Firenze, 1955, p. 805—817.

²⁶⁴ F. Graus. Die erste Krise des Feudalismus. „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, Bd. III, 1955, S. 552—592; „История средних веков“, т. I, стр. 394; см. также К. Czok. Städtebünde und Zunftkämpfe in ihren Beziehungen während des XIV. und XV. Jahrhunderts. „Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Leipzig“, Bd. VI, 1956/57, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 5, S. 511.

²⁶⁵ J. Polišenský — L. Hrabová. K některým otázkám metodiky historické práce. „Českosl. čas. hist.“, t. V, 1957, str. 139—144.

²⁶⁶ Это заголовки из кн. „Histoire générale...“, vol. III, p. 467, 470, 486.

Ф. Граус и Е. А. Косминский подвергают обстоятельной критике теории буржуазных ученых, ищущих объяснения в ухудшении монеты, в „Черной смерти“, в прекращении прироста населения и хозяйственном спаде. Они убедительно показывают, что причиной кризиса был массовый переход к денежной форме феодальной ренты. При этом надо учитывать, что развитие денежной ренты само было обусловлено глубокими причинами и что „кризис“ затронул всю экономическую структуру общества.

С утверждением денежной ренты феодальное сельское хозяйство достигло высшей точки своего развития, но это не означало, что самому феодализму пришел конец²⁶⁷. Проникновение товарного производства в деревню увеличивало у крестьян и феодалов потребность в деньгах и способствовало дальнейшему подъему городов. Цены на городскую продукцию возрастали, тогда как цены сельскохозяйственных продуктов падали. Возникновение раннекапиталистических элементов стимулировало процессы имущественной дифференциации в деревне и в цехах. Результатом этого процесса явилось усиление классовой борьбы в городе и деревне. В различных странах Европы (Англии, Франции, Византии) часто вспыхивают открытые массовые крестьянские восстания. В городах обостряется борьба цехов, поднимается бюргерская оппозиция²⁶⁸. Ф. Граус различает три типа борьбы в городе: 1) борьба за свободу города против феодальной знати; 2) борьба цеховых мастеров в союзе с плебейством против патрициев за участие в управлении; 3) борьба между победившими цехами и плебейством (Италия, Фландрия)²⁶⁹.

С этой точки зрения движение чомпи следует рассматривать как „чистый“ пример третьего типа. В Генуе же главную роль играла борьба против сильной знати, хотя *popolo minuto* уже предъявил свои специфические требования (установление должности *abate del popolo*). В Солуни все началось с движения против динатов, но очень быстро борьба перешла от политических преобразований к социальным реформам. С 1345 г. движение прежде всего удовлетворяло потребности „убогих“, т. е. заметно демократизировалось. Широкий союз с зависимыми крестьянами, твердая организация и энергичное руководство обеспечили зилотам победу и длительное господство в городе. Целеустремленное проведение реформ позволяет заключить, что у зилотов была разработанная программа. Крупные купцы, предприниматели и мелкая знать отошли с 1343 г. (и особенно после 1345 г.) на задний план и уступили поле деятельности радикальным элементам.

Напротив, переворот, совершенный Симоном Бокканегра, явился чисто политическим актом и не повлек за собой социальных изменений. Плеbei и бюргерская оппозиция не добились успеха и должны были в конечном итоге сойти с политической сцены. Бокканегра стремился к захвату политической власти, а не добивался, в отличие от Палеологов, революционного преобразования коммуны.

Наконец, восстание чомпи, возникнув в связи с интригами властолюбивого представителя фамилии Медичи, переросло в революционное движение плебеев, которые организовали единый цех с собственным руководством. Они также имели социальную программу, которая лишь

²⁶⁷ F. Graus. Die erste Krise. . . , S. 584 f.; Е. А. Косминский. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV веках. „Вопросы истории“, 1955, № 2, стр. 44—60. О „теории катастроф“ см. К. Szok. Städtebünde. . . , S. 520.

²⁶⁸ Е. А. Косминский. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма. „Изв. АН СССР, сер. ист. и философии“, т. VIII, 3, 1953, стр. 243 сл.

²⁶⁹ F. Graus. Die erste Krise. . . , S. 568.

потому оказалась непоследовательной, что во главе чомпи в течение целого месяца стоял предатель²⁷⁰.

Ни в одном из трех рассматриваемых случаев мы не встречаем специфической идеологии, как это было в 1419 г. в Чехии. У плебейства XIV в. отсутствовал воинствующий хилиазм, который проповедовали таборитские пикарды. В то же время ему были чужды связанные с хилиазмом утопические мечтания, приводившие к адамитской ереси²⁷¹. Еретическое учение, развитое катарами и вальденсами, уже не могло адекватно выразить новые требования городских низов.

Недавно Э. Дюпре-Тезейдер показал, что ересь патаренов в Болонье проникла в среду ткачей лишь в самой незначительной мере. Гораздо больше она имела приверженцев из среды предпринимателей (*fabbri-canti*) и из членов наиболее зажиточных цехов²⁷². При таких обстоятельствах движение катаров лишилось своей массовой базы и постепенно хирело. Во время расследования дела о еретике Якове Бехе в Пьемонте (1388 г.) инквизиция была вынуждена констатировать, что ересь распространялась главным образом среди местной знати²⁷³. Так или иначе, ересь патаренов не стала религией средних слоев, как это имело место с катарами в XII в. во Франции и в XIII в. в Италии. Для нас во всяком случае существенно, что плебейские движения и на Западе больше не обращаются к дуалистической доктрине, а выражают свои чаяния в форме социальных и политических требований.

Итак, между изученными движениями имеется внутренняя связь, они качественно однородны и потому дают нам возможность проникнуть в существо столь разнообразных явлений²⁷⁴. События в Византии и в Италии явились этапами на пути к еще более значительным революционным событиям в Чехии и Германии. В них проявился первый „кризис“ феодализма, уже сотрясавший его устои.

События в Солуни и Флоренции ярко иллюстрируют растущую роль народных масс средневековых городов²⁷⁵.

В заключение необходимо рассмотреть еще один вопрос: было ли восстание зилотов подлинной революцией, и применим ли этот термин к движению чомпи.

Ф. Энгельс характеризует каждую действительную революцию как социальную, „поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подо-

²⁷⁰ В. И. Рутенбург говорит, что неосуществление программы чомпи объясняется преимущественно слабостью и недостаточной организованностью флорентийских рабочих-суконщиков (В. И. Рутенбург. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.—Л., 1951, стр. 166). Не следует, однако, забывать, что по сравнению с другими выступлениями плебейских групп чомпи сумели создать за то время, которым они располагали, значительную организацию. Они не плелись в хвосте бюргерской оппозиции. То, что историк, изучающий отдельный, частный вопрос, рассматривает как слабую попытку, исследователь, исходящий из сравнительно-исторического метода, может расценить как значительный шаг вперед.

²⁷¹ См. об этом подробно E. Werner. Die Nachrichten über die böhmischen Adamiten... S. 79 f.

²⁷² E. Dupré-Théseider. Problemi di eresiologia medioevale. „Bollettino della Società di studi Valdesi“, vol. 76, № 102, 1957, p. 16 sg.

²⁷³ S. Savini. Il catarismo italiano ed i suoi vescovi nei secoli XIII e XIV. Firenze, 1958, p. 175. Распространение ереси в купеческих кругах подтверждается известием о смерти Скаль Тифи, флорентинского торговца и банкира, в 1332 г. в Безансоне (*ibid.*, p. 181).

²⁷⁴ Ф. Граус допускает сравнение лишь тех качественно однородных явлений, которые находятся во внутренней связи друг с другом (F. Graus. K otázkmá metodiky stredovékých dejin. „Českosl. čas. hist.“, t. IV, 1956, S. 99—115).

²⁷⁵ Ср. Б. Ф. Поршнев. Возрастание роли народных масс в истории. „Вопросы философии“, 1954, № 4, стр. 14—28.

бию“²⁷⁶. В. И. Ленин подчеркивает: „Для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда „низы“ не хотят старого и когда „верхи“ не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых, и эксплуататоров затрагивающего) кризиса“²⁷⁷. В. И. Ленин подчеркивает здесь не только объективный, но и субъективный фактор. Последний, как указывает В. Ульбрихт, нельзя упускать из виду. „Степень зрелости субъективного фактора является... решающей не только для победы или поражения, но также и для определения характера революции... Кто умаляет значение субъективного фактора в общественном развитии... и принимает во внимание только объективный фактор, тот неизбежно придет к буржуазно-объективистской теории стихийности“²⁷⁸.

Постараемся приложить эти теоретические определения к нашим конкретным случаям. В 1341—1342 гг. „низы“ действительно больше уже не могли жить по-старому, не хотели терпеть старый порядок. Субъективный фактор достиг в Солуни такой степени зрелости, что позволил создать революционную группу, которая начала осуществлять насильственное преобразование старого порядка. В то же время нельзя утверждать, что „верхи“ больше не могли жить по-старому. В этом смысле Византия не переживала какого-либо общего кризиса. Насколько господствующий класс стремился к тому, чтобы управлять по-старому, свидетельствует его поддержка, оказанная Кантакузину. Феодальная система испытывала потрясение, но ее падение еще не назрело²⁷⁹. Наконец, в Византии не было нового класса, который мог бы взять власть в свои руки. Слабое бюргерство городов было не в состоянии это сделать. Поэтому следует говорить не о подлинной революции, а о революционном движении²⁸⁰, которое еще не достигло даже уровня зрелости гуситства. Однако оно приблизилось к этому уровню в значительно большей степени, чем восстание английских крестьян под руководством Уота Тайлера и парижское восстание 1356—1358 гг. Внутренняя и внешняя реакция воспрепятствовала дальнейшему распространению социально-политических лозунгов зилотов, которые уже в 1341—1342 гг. были популярны в таких городах, как Адрианополь, и должны были сделать крестьянское движение более организованным и целеустремленным. Движению чомпи, как мы видели, в еще большей степени, чем выступлению зилотов, присущи черты изолированного народного восстания.

П. Харанис считает, что восстание зилотов явилось одной из причин гибели Византийского государства, так как оно способствовало подрыву его устоев²⁸¹. В действительности именно зилоты стремились сохранить

²⁷⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1955, стр. 43.

²⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 65.

²⁷⁸ В. Ульбрихт. О характере Ноябрьской революции. „Вопросы истории“, 1958, № 8, стр. 68; ср. его же. О Ноябрьской революции 1918 года в Германии. „Новая и новейшая история“, 1959, № 1, стр. 13.

²⁷⁹ Ср. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. М., 1955, стр. 322.

²⁸⁰ Так же обстояло дело в Чехии в начале XV в. Поэтому Й. Мацек справедливо говорит о революционном движении гуситов, а не о гуситской революции. Он характеризует это движение как раннюю стадию буржуазной революции (Й. Мацек. Гуситское революционное движение, стр. 182). Ср. также критические замечания К. Чока по поводу понятия „цеховая революция“ (K. C z o k. Städtebünde..., S. 520 f.).

²⁸¹ P. Charanis. Internal strife..., p. 228—230.

и сплотить все жизнеспособные силы государства, уничтожить социально-экономические противоречия и поднять народ против османских орд. Если феодальной знати зилоты нанесли ряд тяжких ударов, то это было не проигрышем, а выигрышем для государства: ведь феодальная знать вовсе не была склонна принимать энергичные меры против турецкой опасности. Поэтому мы согласны с М. В. Левченко, который писал, что победа трудящихся масс и ликвидация паразитической группы эксплуататоров могли бы в то время предотвратить гибель Византии²⁸².

---

²⁸² См. ВВ, II, 1949, стр. 334.
